

М. В. Сазонова

Украшения узбеков Хорезма¹

Существенным дополнением к одежде хорезмских узбеков, главным образом женщин, служат украшения.

Хорезмские ювелирные украшения, являясь общими для узбеков вообще по составу комплектов, по назначению и по форме, все же имеют свои особенности, отличающие их от украшений узбеков других областей Узбекистана.

Вместе с тем украшения узбеков южного и северного Хорезма несколько различны, хотя в них много общих черт, в чем мы убедимся в дальнейшем.

В украшениях хорезмских узбеков все еще сохранились некоторые архаические формы, отражающие идеологические представления, созданные народом; их прежнее значение можно раскрыть, привлекая различные материалы, относящиеся к другим явлениям материальной и духовной культуры народа (архитектуре, фольклору).

Безусловно, именно в украшениях более всего проявлялись значительные социальные различия, сказывалась большая обеспеченность одних и меньшая — других. Это отражалось в обилии и полноте комплектов украшений, особенно женских.

Виды украшений зависели от возраста и семейного положения тех, кто их носил.

Значительная часть женских украшений узбеков Хорезма была связана с головными уборами. Но многие из них имели и самостоятельное бытование.

Украшения делались в основном из серебра, нередко применялась и позолота, широко использовались некоторые камни, например сердолик (*хакик*), бирюза (*фирузе*, *пирузе*), кораллы (*марджан*), иногда перламутр (*садаф*), раковины и цветные стекла, в основном красного и зеленого цвета, или мастики, имитирующие бирюзу, цветные бусы или бисер.

Уместно отметить, что различного рода камням издавна придавалось особое значение, их наделяли целебными и магическими свойствами. Ношение их выражало стремление не только украсить себя и своих близких, но и оградить их от опасностей и болезней.

¹ В данной статье использован полевой экспедиционный материал, собранный в 1946—1949 гг. севернотуркменским (руководитель К. Л. Задыхина) и южнотуркменским (руководитель М. В. Сазонова) отрядами, Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР, работавшей под руководством С. П. Толстова. Нами привлечены также ценные коллекции МАЭ, б. Музея народов СССР (Москва) и архивный материал, хранящийся в Государственном музее этнографии народов СССР (Ленинград). Коллекции собраны В. Ю. Крупянской в 1929 г. в Хиве и используются нами с ее разрешения.

Как видно из большого труда великого хорезмийского ученого Бируни, еще на грани X—XI вв. в Хорезме существовало суеверное отношение к камням и ношению их.² Вера в магические свойства камней сохранилась в Хорезме до сравнительно недавнего времени. Считалось, что такие камни, как сердолик, бирюза, кораллы, обладают особыми благоприятными для людей свойствами. О том, что представление о магических свойствах камней имело место в Средней Азии (и, надо думать, в этом отношении Хорезм не был исключением), сообщает в своей статье А. А. Семенов.³

Однако ввиду высокой стоимости драгоценных камней в ювелирном деле Хорезма чаще всего использовали различные сплавы и стекла соответствующего цвета, сходные с драгоценными камнями. Считалось, должно быть, что их магические свойства при этом сохранялись. Такого рода замена существовала, по-видимому, издавна.

Известны и некоторые приемы времени Бируни получения своеобразных имитаций драгоценных камней с помощью цветной глазури и др.⁴

В экспедиции нами собран материал по ювелирным украшениям узбеков Хорезма, который позволил определить комплекс, бытовавший в конце XIX—начале XX в.

Мужчины носили только кольца и перстни, и то главным образом в городах. Существовало специальное украшение на головной убор жёниха — *джига* (*жига*).

Женские украшения более разнообразны и многочисленны, так что их можно условно подразделить на несколько групп: 1) головные — закрывающие верх головы (девичьи головные уборы), височные, налобные и затылочные; 2) серьги — ушные и носовые; 3) наконечники; 4) шейные и нагрудные; 5) украшения для рук — кольца и браслеты.

В детской одежде обязательными являлись всякого рода подвески, пуговицы. Особенно обильно украшалась шапочка — на нее нашивались привески из бус, бисеринки, раковины, перья, тумары. Такие же привески и украшения делались на детских халатиках — на спине, плечах, у ворота.

Являясь в прошлом необыкновенно устойчивой частью народной культуры, украшения с течением времени претерпевали некоторые изменения, подчиняясь изменявшимся эстетическим вкусам; при этом они иногда упрощались и теряли свою сложность и самобытность, иногда же, напротив, усложнялись и впитывали в себя то новое, что приходило с жизнью.

В Хорезме, наряду с украшениями местных узбекских мастеров, входили в обиход узбекских женщин и девушек украшения каракалпачков, казахов и туркмен.

² Абу Райхан Мухаммед ибн Ахмед аль Бируни. Книга собрания сведений для познания драгоценностей. (Минералогия). Перевод А. М. Беленицкого. Статьи и примечания А. М. Беленицкого и Г. Г. Леммлейна. М., 1963, стр. 34, 84, 156, 164, 181, 184, 185 и др. (В дальнейшем: А. Бируни. Минералогия).

³ А. А. Семенов. Из области воззрений мусульман Средней Азии на качество и значение некоторых благородных камней и минералов. Мир Ислама, т. 1, 1912, № 3.

⁴ Г. Г. Леммлейн. Минералогические сведения, сообщаемые в трактате Бируни. В кн.: А. Бируни. Минералогия, стр. 376—380.

ЖЕНСКИЕ УКРАШЕНИЯ

ДЕВИЧЬИ УКРАШЕНИЯ

Головные украшения. На верх *тахья* 'тюбетейки' нашивалась *тахья-дузи* — шестигранная серебряная с позолотой пластина со вставками стекла красного, зеленого и голубого цвета и поясками из вставок бирюзы. По краю припаяны трубочки в форме обычных среднеазиатских тумаров — коробочек с вложенными в них написанными на бумаге текстами из корана. Вокруг *тахья-дузи* укреплены на цепочках подвески — плоские легкие бляшки, шелестящие при движении (рис. 1, 1).

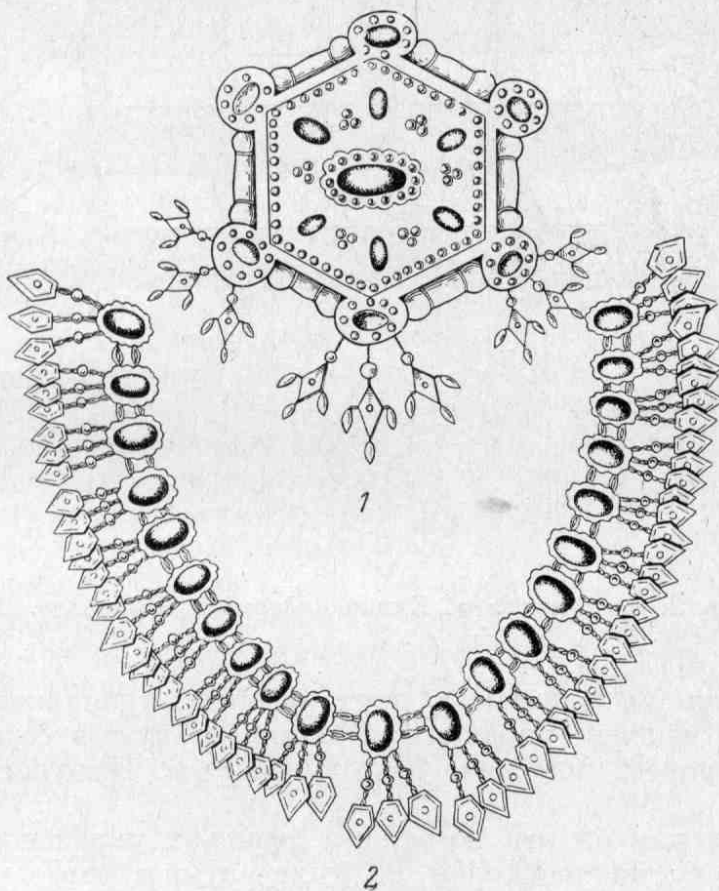

Рис. 1. Девичьи головные украшения.

1 — *тахья-дузи*. Хивинский музей; 2 — *хак-дузи*. Хивинский музей.

Близким по типу является украшение на верх тюбетейки *алтын-тумор* 'золотой амулет', состоящее из четырех тумаров — скрепленных друг с другом серебряных с позолотой трубочек. Концы тумаров закруглены, один из них закрывают крышечкой *тумор-баши*, украшенной шестилепестковой розеткой со вставками бирюзы. Размеры: длина — 11 см, диаметр — 7 см (рис. 2).

Как бы дополнением к *тахья-дузи* являлось *хак-дузи* — сердоликовое украшение, прикрепленное вокруг тюбетейки, по краю ее, таким образом, что подвески спускались вниз, прикрывая лоб и верхнюю часть ушей. Состояло оно из вставленных в серебряную оправу овальных сердоликов, скрепленных подвижно звеньями цепочки. Низ бляшек украшен подвесками на цепочках со вставками бирюзы (рис. 1, 2).

Позднейшим видоизменением хакик-дузи, по нашему определению, являлось *тилля-дузи* — золотое украшение (рис. 3). Приводимый нами экземпляр составлен из двадцати русских 20-копеечных серебряных монет чеканки 1888, 1914 и 1916 гг., также подвижно скрепленных между собой цепочками. К тибетейке, носящей название *пасмук-топпи*, тилля-

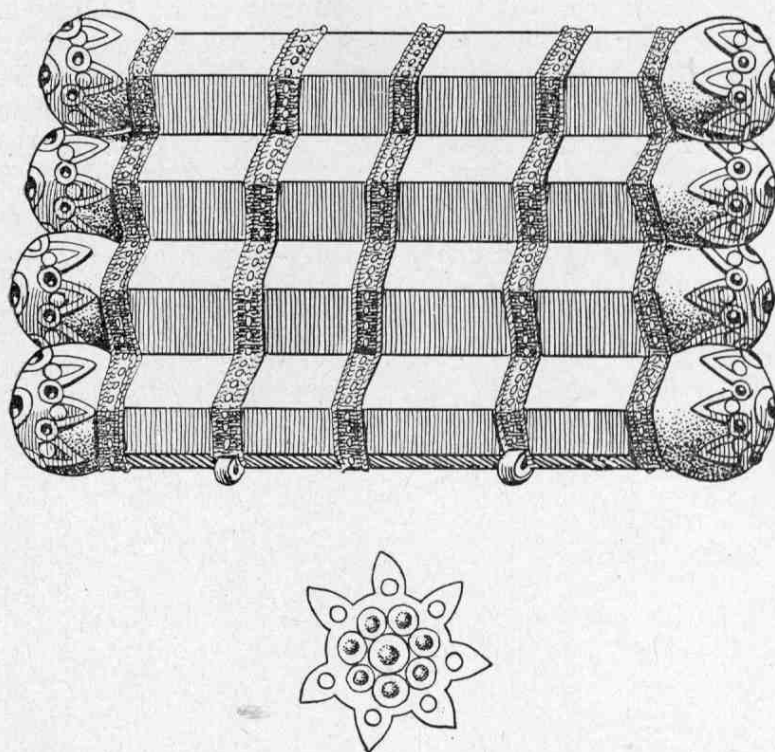

Рис. 2. *Алтын-тумор*. Хивинский район, Пирнахоз. ИЭ.

дузи прикрепляется с помощью двух крючков, припаянных к монетам. Нижний край цепочки украшают подвески из дутого серебра со штампованным рисунком, носившие название *дарьяк*. Цепочки отделаны кораллами.

Перед нами как бы два комплекта девичьих украшений: тахья-дузи и хакик-дузи составляют один из них, алтын-тумор и тилля-дузи — второй.

Украшения получала девочка в подарок в день, когда ей исполнялось 9—12 лет. Носила она эти украшения до замужества, т. е. до 15—18 лет.

УКРАШЕНИЯ НЕВЕСТЫ И МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ ЮЖНОГО ХОРЕЗМА

Височные украшения были разнообразны и бытовали широко (табл. III, 2—4). Очень интересным является *гёзмунджик* (табл. I, 1): это стержень с отходящими в обе стороны ответвлениями, опирающимися на довольно широкое основание. Верхняя часть стержня оформлена в виде овала со вставкой из бирюзы. В целом украшение напоминает фигуру сидящего человека. Ответвления и край нижней части украшения отделаны рядами бирюзы. Нижняя прямоугольная часть *гёзмунджика* оформлена вставками цветного стекла по четырем углам и в месте соединения со стержнем. Каждое из боковых ответвлений и нижняя часть имеют подвески *дарьяк* из витой проволоки с кораллами и четырехугольными бляшками со штампованным узором. В верхней части к овалу приделано колечко и под-

веска с крючком *игна* (хорезмск. *инна*) для прикрепления его к головному убору *лечек*.

В этой форме гёзмунджика мы видим все те элементы, которые нам хорошо известны по оттискам печатей на сырой глине из Тепик-Кала, определяемым С. П. Толстовым как изображение хорезмийской богини воды и плодородия Анахиты.⁵ Перед нами украшение, сохранившее форму традиционного изображения многорукой богини-матери, хорезмийской Анахиты афригидской эпохи, образ которой, по мнению С. П. Толстого, прошел через этап синкретизации с индо-буддийскими образами в кушанскую эпоху.⁶ По мнению Н. В. Дьяконовой и О. И. Смирновой, теперь уже имеются материалы, свидетельствующие о гораздо большем ареале культа богини (Согд, Восточный Туркестан), причем этот образ всегда связан с плодородием животного и растительного мира и материнством.⁷

Значение это несомненно утеряно. Сохранилось лишь представление, что гёзмунджик обладает свойством охранять носящую его, о чем говорит и само его название, означающее 'оберег'.

Для доказательства правильности наших предположений уместно напомнить, что головные уборы невест у других народов Средней Азии и Казахстана также имеют украшения в виде человеческой фигуры. Так, фигуру человека видит А. С. Морозова в украшении головного убора туркменской молодой женщины *хасава*, приводя даже его название *адамлык*.⁸ На головном уборе казахской невесты *саукеле* укреплялось украшение из серебра такого же примерно построения.⁹

Гёзмунджик прикреплялся на лечек — головной убор молодой женщины, сменявший тахью после рождения у нее

⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, табл. 54, 1—3.

⁶ Там же, стр. 200.

⁷ Н. В. Дьяконова и О. И. Смирнова. К вопросу о культе Наны (Анахиты) в Согде. СА, 1967, № 1, стр. 80 и 83.

⁸ А. С. Морозова. Головные уборы туркмен. ТИИАЭ АН Туркм. ССР, т. VII, 1963, стр. 107.

⁹ МАЭ, № 1092-1.

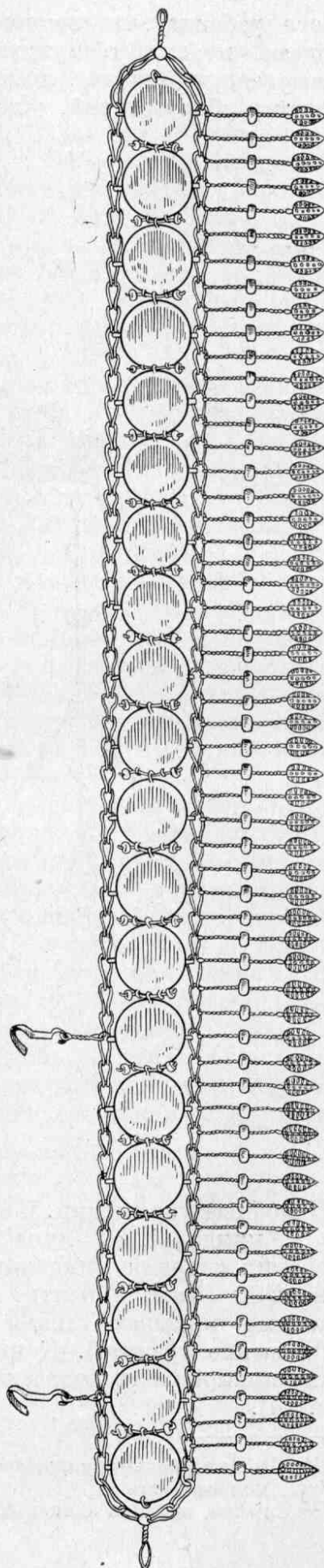

Рис. 3. *Тилля-дузи*. Хивинский район, Пирнахоз ИЭ.

первого ребенка, что сопровождалось обычно праздником *лечек-той*.¹⁰ Женщина носила гёзмунджик с лечеком, имевшим в своем составе цветные части (платки), и снимала его при переходе к белому лечеку — головному убору старой, уже переставшей рожать женщины.¹¹

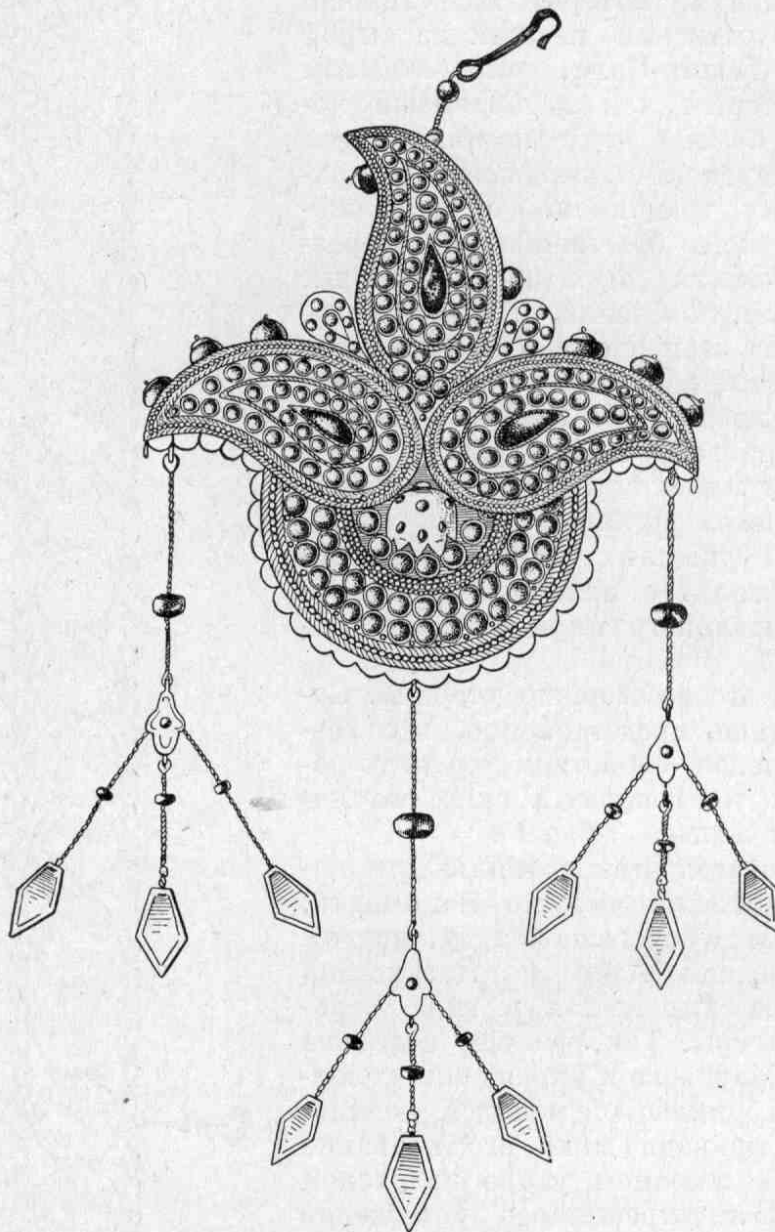

Рис. 4. *Бадам-ой*. Ханкинский район, Абдуваис. ИЭ.

Налобные украшения. Наиболее интересным для нас является *бадам-ой* (*бадам* 'миндаль', *ой* 'луна'). Это украшение состоит из лунообразного основания с тремя миндалинами, как бы поддерживаемыми самим изображением луны, в центре которого расположена выпуклая деталь со вставками красных стекол или бирюзы *каш* (в нашем понимании — изображение граната). К нижнему краю полукружья и миндалин подвижно прикреплены подвески. Размеры: длина — 11 см, ширина — 11 см (рис. 4).

¹⁰ ИЭ. Материалы южноузбекского отряда. Хазараспский район, сельсовет Аушар, 1948 г., полевая запись 5.

¹¹ Там же, полевая запись 28.

В этом украшении мы видим три обязательные составляющие его части — лунообразное основание, три миндалины, всегда в определенном повороте, и каш. Может варьироваться узор, заполняющий миндалины, форма камней (круглая или повторяющая форму миндалин), цвет и качество их (сердолик, красное или зеленое стекло), но три эти элемента сохраняются во всех известных нам экземплярах. Заполнение поверхности как миндалин, так и луны имеет разные варианты — витой проволокой, двойным рядом витой проволоки и завитками или двойными рядами бирюзы. Подвески могут быть простые, состоящие из витой проволоки, кораллов и подвески дарьяк, или сложные — такая же цепочка из витой проволоки, кораллы, опять цепочка из проволоки, *чатак* (ромбовидная деталь с бирюзой в центре) и три подвески с кораллами и бляшками (такое украшение называется *бадам епрак*).¹²

Обычно бадам-ой бывает очень хороших пропорций, тонкой и изящной работы; это украшение не парное, прикрепляли его на шапочку невесты.¹³ Оно было широко распространено, особенно в селениях.

По сообщению Хакимата Мадаминова, в селениях Шавватского и Ургенчского районов и в сел. Али-баба Гурленского района налобные украшения *дузи* (*тузик*) дарит свой невесте жених на праздновании науруза и курбан-айта вместе со сладостями.¹⁴ По другим сведениям, такие же подарки делал жених на праздник науруз на мазаре Баварис-баба (в южной части Хивы).¹⁵ Это был единственный день в году, когда девушки могли появляться с открытым лицом перед молодыми людьми, стоя на крышах соседних с мазаром домов, — правда, в сопровождении родственников, чаще всего *енга* 'жены старшего брата'. Енга играла затем основную роль со стороны невесты в проведении свадебного обряда. Подарок передавался именно через нее. Юноши кидали в девушек крашеными яйцами (красными и зелеными) и яблоками.

Близким по форме к бадам-ой является украшение *зюльпи-тилля*.¹⁶ Оно состоит из большой серебряной с позолотой бляхи со шнуром из черного крученого шелка с подвесками и кистями, верх которых украшен серебряными позолоченными куполообразными деталями *кубба*, тоже с подвесками. Кисточки располагаются одна над другой (по шесть или десять в два ряда). Все серебряные части украшены мелкой бирюзой. Большая бляха имеет те же очертания, что и бадам-ой, — овальной формы низ, верх венчают три завитка, в которых просматриваются три миндалины, повернутые в ту же сторону, что и миндалины в украшении бадам-ой, — но все его составные части как бы слились воедино, не утратив своих очертаний, включая и каш в нижней его части, сохранившийся в тех экземплярах, которые нам известны. Бляха украшена вставками стекла (семь

¹² В сложных ювелирных украшениях хорезмскими мастерами применялись подвески нескольких видов — простые и сложные. Нижние подвески могут быть плоские или объемные дутые, спаянные из двух половинок, полые внутри, иногда ребристые из серебра, иногда с позолотой. В некоторых экземплярах украшений нижняя часть подвесок делалась из стекла зеленого или коричневого цвета — в подражание кисти винограда или стебля кукурузы (ГМЭ, №№ 21177-1, 21177-2, 21178). В данном случае уместно напомнить подвеску в виде грозди винограда из Джамбас-Кала (С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 88, рис. 26).

¹³ По некоторым сведениям, это украшение височное.

¹⁴ ИЭ. Материалы южноузбекского обряда. Хива, 1947 г., полевая запись 87.

¹⁵ ИЭ. Материалы южноузбекского отряда А. Рахманова. Хива, 1948 г., полевая запись 53. — Мусульманское духовенство к празднованию науруза на мазаре Баварис-баба относилось резко отрицательно.

¹⁶ Архив ГМЭ. Материалы В. Ю. Крупянской. — Возможно, название происходит от иранского *зюльф* 'кудри, завитки волос' (см.: Б. В. М и л л е р. Персидско-русский словарь. М., 1953, стр. 260); в данном случае 'золотые кудри'.

красных и пять зеленых) и чеканным орнаментом. При этом наше предположение, что в каш изображен гранат, подтверждается красным цветом вставок в овальной части бляхи. К низу бляхи приделаны на цепочках мелкие подвески *чатак-бадам* (рис. 5).

Надевала это украшение невеста на свадебный головной убор *пильта-топпи* — невысокую с крупной стежкой фитильками (*пильта*) шапочку (высота — 11 см, окружность — 55 см) — на второй день главного сва-

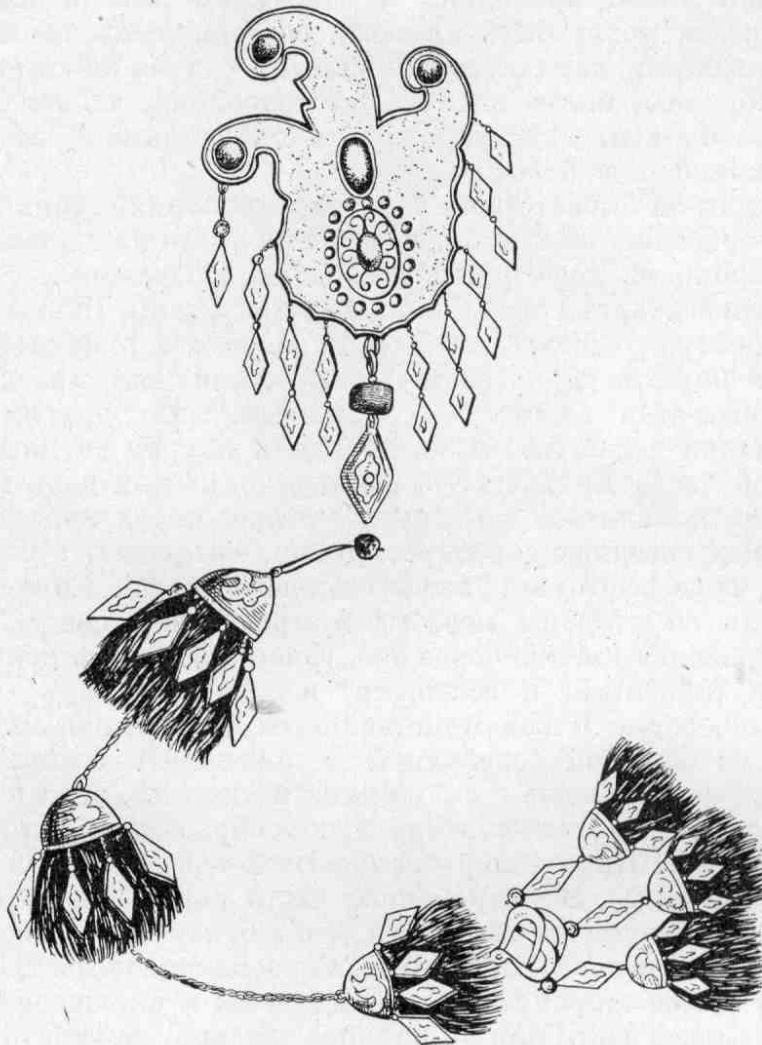

Рис. 5. Зюльпи-тилля. Хивинский музей.

дебного праздника *улы-той*, когда ее приходили поздравлять в доме жениха родственники и соседи.¹⁷ Шнурок (иногда их было два) с кисточками охватывал головной убор по нижнему краю в полтора-два охвата, при этом кисточки спускались по двум сторонам лица над плечами. Большая бляха, по одним сведениям, помещалась на лбу,¹⁸ по другим — на затылке.¹⁹

Эти два украшения — бадам-ой и особенно зюльпи-тилля — представляют особый интерес.

¹⁷ Н. П. Лобачева. Свадебный обряд хорезмских узбеков. КСИЭ, т. XXXIV, 1960, стр. 44—45.

¹⁸ Сведения получены нами во время экспедиции.

¹⁹ Сведения В. Ю. Крупянской. По-видимому, это позднейшая манера носить данное украшение.

При рассмотрении оттиска на глине, в котором С. П. Толстов усматривает изображение Анахиты, мы видим на голове ее три зубца. В изображениях на серебряном блюде из Британского музея и на таких же блюдах из собраний Советского Союза Анахита имеет вид четверорукого божества, сидящего на тигре или льве с эмблемами солнца и луны в руках, в головном уборе, украшенном луной с тремя зубцами. Богиня олицетворяла, по представлению жителей земледельческого Хорезма, плодородие земли и воды Амударьи.²⁰ Имя богини указывается по-разному. У С. П. Толстова она названа Анахитой.²¹ Абу Райхан Бируни именует ее Нахич.²² Я. Г. Гулямов считает, что под именем Аралча-Аулия, по некоторым версиям, выступало женское божество, управлявшее паводками на Амударье и связанное с искусственным орошением, а также с образом Кара-чач-она.²³

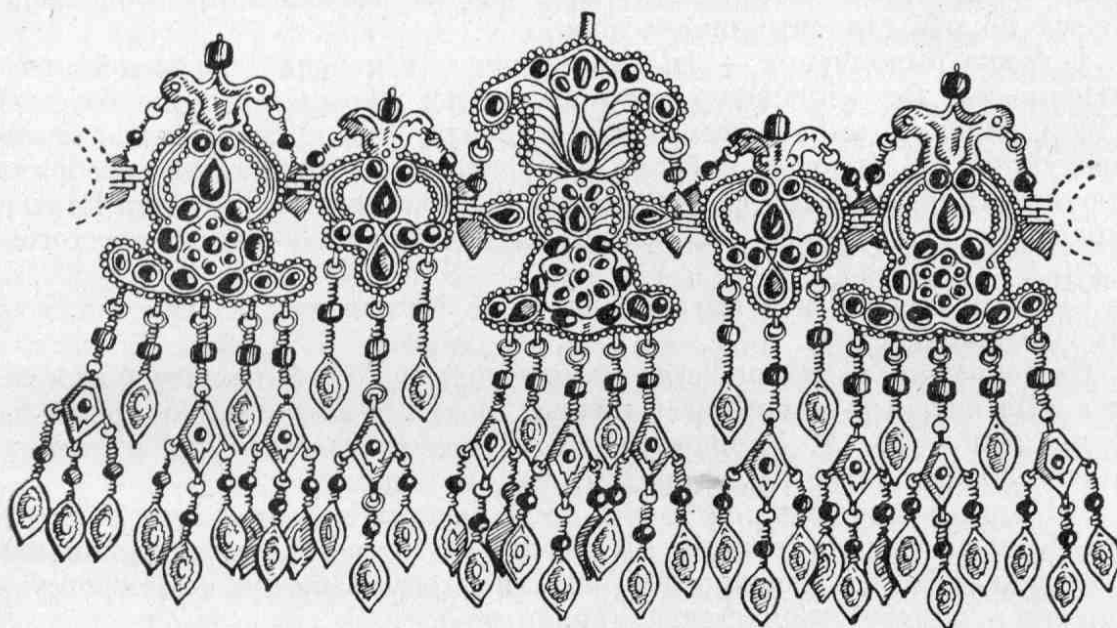

Рис. 6. *Кашине*. ГМЭ, ОК, № 468/б.

С. П. Толстов обращает наше внимание «на одну деталь головных уборов хорезмийских царей — на неизменно украшающий их очелье (вне зависимости от их формы) — полумесяц».²⁴

Встает вопрос: не тот же ли это вид украшения — эмблема богини — дошел до нас в виде зюльпи-тилля и бадам-ой? Нам представляется несомненным, что это старинное украшение, вышедшее из употребления лишь в начале XX в., дошло до нас из глубин веков в своей древнейшей форме.

И мы можем, видимо, предположить, что подобно тому, как ежегодно старейший в селении старик в науруз олицетворял собой Баба-и-Дейхана (мифического деда-земледельца) и его участие в проведении первой бороzды должно было обеспечить плодородие земли и урожай нового посева, так, по-видимому, юная девушка в период своего замужества олицетворяла

²⁰ Н. В. Дьяконова и О. И. Смирнова. К вопросу о культе..., стр. 79, рис. 4, 1, 2.

²¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 200.

²² Аль-Асар аль-Бакия Бируни. Памятники минувших поколений. Избр. произв., т. I, Ташкент, 1957, стр. 187.

²³ Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957, стр. 238—239.

²⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 201.

собой великую богиню-мать, которая должна была обеспечить продолжение рода, увеличить семью.

К головным украшениям из комплекта невесты относится также и *кашине* (рис. 6). Кашине делалось из серебра с позолотой. Оно состоит из тринадцати подвижно соединенных звеньев, при этом в центре располагается крупное звено, в основе построения которого лежит знак Ψ , названный С. П. Толстовым тамгой на хорезмийских монетах (I—VIII вв. н. э.).²⁵

Заполнение центрального звена напоминает изображение павлина с распущенным хвостом. Верх средних и мелких звеньев оформлен в виде двух головок птиц, повернутых друг от друга и расположенных на полукружьях. На бляхах средней величины впаяна уже знакомая нам деталь — каш. Кисти совершенно такие же, как на зюльпи-тилля, свешиваются по обе стороны лица у щек.

Техника выполнения — филигрань *ишма* и переплет из витой проволоки *чинта*. Все украшение унизано зернью *пурчук* и усеяно бирюзой. К низу каждого звена прикреплены подвески (три крупные и две мелкие чередуются). С боков и наверху крупного звена припаяны серебряные крючки для укрепления на передней лобной части пильта-тахьи. Размеры украшения: длина — 37 см, высота среднего звена — 11 см, мелкого — 9 см.

Следует сказать и о высоком качестве ювелирного мастерства, с каким сделано кашине.

Своеобразно название его *кашане* 'гнездо'²⁶ (хорезмск. *кашине*). Оно действительно напоминает птичье гнездо.²⁷ Здесь знаменателен сам мотив птицы. Ю. А. Раппопорт рассматривает изображение птицы как замену образа богини плодородия, как ее знак.²⁸

Его предположения подтверждаются нашими материалами. У населения Хорезма еще в недалеком прошлом сохранялись представления о священной птице. Священными считались голуби (*кумры*, *каптар*, *ёгун* — домашние голуби) и ласточка (*кылдыргач*).²⁹

Так на сборищах женщин, когда родственницы и соседки приходили на *курпача-той*, примерно за месяц до рождения ребенка, чтобы помочь женщине, ожидающей дитя, сшить одеяльца, было в обычае при шитье приговаривать: «Мой друг, пусть благословен будет Ваш дом, айван Вашего дома пусть будет местом птицы счастья, пусть Ваш чай никогда не иссякает и кипит в чайнике, будущий младенец Ваш пусть будет благословен». ³⁰ Этим подтверждается живучесть в памяти народа представлений о птице, приносящей благополучие и влияющей на счастье рождавшегося человека.

²⁵ Там же, стр. 184. — Видимо, для своего времени это был один из популярнейших знаков. Тот же знак лежит в основе архитектурного орнамента, украшающего одну из мечетей в Дехистане, построенную Хорезмшахом Мухаммедом, что убедительно показал Л. И. Ремпель (Архитектурный орнамент южного Туркменистана X—XII вв. и проблема «сельджукского стиля». ТЮТАКЭ, т. XII, 1963, стр. 288). В наших материалах мы встречаем такой же структуры узор на свадебных сапогах невесты *гулля массы*, а также внизу на разрезах мужской шубы *постын*.

²⁶ Перс. *кашане* 'гнездо'. См.: Б. В. М и л л е р. Персидско-русский словарь, стр. 392.

²⁷ Архив ГМЭ, V, 31/6. — По словам мастера, форма, в которой отливались верхние детали, называлась *тўти-колиб* 'форма попугая'.

²⁸ Ю. А. Р а п п о п о р т. Хорезмийские астаданы. СЭ, 1962, № 4, стр. 76.

²⁹ ИЭ. Материалы южноузбекского отряда. Ханкинский район, сельсовет Зинахас, 1949 г., полевая запись 24.

³⁰ ИЭ. Материалы южноузбекского отряда. Ханкинский район, сельсовет Абдувайс, 1948 г., полевая запись 37.

Аналогию в украшениях древности мы находим, как нам кажется, на терракотовой головке из Гяур-Кала, описанной Г. А. Пугаченковой, обратившей внимание на своеобразие головного убора.³¹

Сходство с кашине придает форма центральной бляхи крупных размеров и мелкие кружки с раздвоением. То, что Г. А. Пугаченкова определяет как гофрированную оторочку, является по существу мелкими подвесками. Подвески, а не серьги у ушей, по-видимому, также аналогичны кашине.³²

По нашим сведениям, оба эти украшения — зюльпи-тилля и кашине — надевались на лобную часть пильта-топши, — в какой последовательности, мы не знаем. Но, по-видимому, и то и другое украшение носила молодая первые пять дней после уллы-тоя.

Налобное украшение, известное в других частях Узбекистана в прошлом под названием *тилла кош* 'золотые брови', а в хорезмском варианте носившее название *осьма* 'подвеска' или *канат-осьма* 'подвеска с крыльями', имело свои особенности (табл. I, 6). Общими для всех узбекских украшений подобного рода являются те части его, которые в одном случае называются *кош* 'брови',³³ в другом — *канат* 'крылья'.

Насколько нам известно, в тилла-кош Бухары, Самарканда и Ташкента центральная часть имеет другую форму, лишь отдаленно напоминающая центральную часть, столь характерную для хорезмского осьма. Обычно эта часть осьма выполняется в технике штамповки — серебро режется по *ульча* 'шаблону' со стенками, полая же часть заполняется варом. С внешней стороны вставлены камни — стекла хивинского изготовления (три зеленых, один красный и пять бледно-лиловых). Вверху припаяна трубочка для вставки пучка из перьев филина *йипар*. Низ центральной части и оба «крыла» сделаны из витой серебряной проволоки ишма. Переплет чинта украшается также мелкими серебряными шариками — зернью. Под переплет для большей его выпуклости и нарядности подложен фон *поля*, в центральной части розового цвета, в крыле — зеленого. Эти части канат-осьма окаймлены бордюром из бирюзы. К нижней части подвешены, чередуясь, короткие и длинные подвески. Размеры: общая длина — 21 см, высота — 9 см. Центральная часть в построении имеет много общего с центральным звеном кашене.

Дополнением канат-осьма были пучки перьев из хвоста селезня, завившиеся колечком, — *гаджак* (узб. *гажжак*), — пришивавшиеся на тахью по обе ее стороны.³⁴ Каждый пучок составлялся из мелких связок (15 связок в одном и 13 — в другом), соединенных с пучком белых перьев в центре большого пучка.

Перья как филина, так и селезня должны были оберегать молодую от сглаза. Тип украшения старинный, вышедший из употребления.

Украшения затылочные. К этой группе старинных украшений принадлежало *окюяй*, надеваемое на затылочную часть головного убора.

³¹ Г. А. Пугаченкова. Маргианская богиня. СА, т. XXIX—XXX, 1959, стр. 131—132, рис. 10, 2.

³² Если наше предположение верно, то становится понятным и иной антропологический тип, также приближающийся к тем, которые характерны для Хорезма того времени, с несколько утяжеленным подбородком, на что также обратила внимание Г. А. Пугаченкова. См.: С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, рис. 9 (голова «супруги Вазамара»).

³³ МАЭ, № 4356-2, собир. А. Л. Троицкая, Самарканд. Размеры: длина 42 см, высота 10 см.

³⁴ ГМЭ, ОК, № 467 г/1, 2; Архив ГМЭ, V, 31/10а, б. Перо филина — ГМЭ, ОК, № 467/д; Архив ГМЭ, V, 31/11.

Оно как бы состоит из трех частей: а) верхней, б) нижней, полукруглой формы, и в) подвески (рис. 7).

Верхняя часть выполнена в технике ишма. На прямом основании располагается верхняя узорная деталь (длина — 9,5 см, ширина в середине — 2 см) с зубчатым завершением, украшенным пятью вставками из бирюзы. С боков прикреплены крючки для подвешивания его на головной убор. К нижнему краю припаяно семь подвесок, с длинной цепочкой посередине.

Рис. 7. Окюй. ГМЭ, ОК, № 467/в.

Боковые концы верхней части спаяны со второй, полукруглой частью (высота — 10 см), состоящей из двух ободков, полый внутри и заполненной варом. Украшением этой детали являются два ряда бирюзы и подвески из витой проволоки с крупными и мелкими кораллами у нижнего его края.

В промежутке между первой и второй частью на длинной цепочке прикреплена третья часть — *довача* (от слова *дова* 'молитва'). Это треугольник длиной 3 см, высотой 1,5 см, украшенный филигранным переплетом из витой проволоки. Мастер положил рисунок на красный фон со слюдой.

По сведениям В. Ю. Крупянской, окюй уже в то время, когда она производила сборы (1929 г.), считалось украшением старого типа, вышедшим из употребления. Она же сообщила, что первоначально это украшение не имело довача, но считалось амулетом.³⁵

³⁵ Архив ГМЭ, V, 31/9.

Мы также склонны рассматривать его как украшение, имеющее охранное значение. Об этом говорит и его название: *ок* 'стрела или веретено' (по-видимому, первая, прямая часть, постепенно обраставшая дополнительными деталями) и *яй* 'лук' или *ой* 'луна' (нижняя, полукруглая часть).

По сведениям В. Ю. Крупянской, канат-осьма и окюй также составляли комплект свадебного украшения молодой.³⁶ По нашим материалам, они прикреплялись к иному головному убору — *чумакли-тахья*, сменявшему пильта-топпи.³⁷

Эти украшения молодая носила в течение года, надевая их по праздникам, и снимала лишь с рождением первого ребенка, когда ей надевали первый лечек, на празднике лечек-той.

Другим видом затылочного украшения являлось *бутун-туннак* или *бутун-тирнок* 'полный коготь', названное так в отличие от меньшего по размерам украшения такого же типа, носившего название *ярым-туннак* 'половина когтя' (табл. II, 2).

Оно было парным, прикреплялось к лечеку по обе стороны затылка и представляло собой пятиугольную пластину, украшенную рядами вставок бирюзы, красного стекла, штампованным и гравированным рисунком. По четырем углам и в центре расположены уже известные нам выпуклые бляхи каш со вставками бирюзы (пять-шесть штук в каждой). В верхней части расположены два или три крючка для прикрепления. С трех сторон прикрепляются подвески, по семь-девять с каждой стороны — сложные, с крупными и мелкими кораллами и штампованными или штампованно-полыми бадам епрак. Но самой главной ее частью являются впаянные в нижний край два когтя, дающие и само название украшению. Предполагалось, что вставлены когти барса *жилбарс тирнок*, но за неимением их часто удовлетворялись когтем птицы или рожекми козленка (высота — 7 см, ширина — 5 см, общая длина — 10 см). Присутствие в украшении когтя говорит об охранном его значении. Бутун-туннак должно было оберегать молодую женщину от порчи, сохранять ее способность к деторождению.

В прежнее время в бутун-туннак вставляли волосы жениха *кокиль*, срезаемые у мальчиков на празднике обрезания,³⁸ и волосы эти вплетались в косы молодой.

Бутун-туннак вместе с гёзмунджик укреплялись на первый в жизни молодой женщины лечек.

Спереди лечек бывал украшен двумя парами булавок, на верхнем конце которых находятся два филигранных шарика и плоские подвески, а также два *пархана* (футляры для вставки птичьих перьев) (табл. I, 2). На лечек укрепляли пучки перьев, помещавшиеся в пархана.

Подвески в косы. В состав украшений невесты входили подвески в косы *чакка-дузи* 'украшение щек', которые прикреплялись на искусственные косы — свадебную прическу невесты, называемую *соляуч*.

Это два медальона овальной формы с двухсторонним оформлением. В одном экземпляре оба центральных камня (чаще стекла) красного цвета окружены вставками (13 штук) бирюзы. В центре другого с одной стороны вставлено зеленое стекло, с другой — сердолик. Подвески сложной формы,

³⁶ Там же.

³⁷ ИЭ. Материалы южноузбекского отряда. Зулейха Нурматова, 105 лет, Ханкинский район, сельсовет Сары-паян, 1948 г., полевая запись 28. — Чумакли-тахья была совершенно иной формы (высота — 29 см) и надевалась в сложенном виде. Она привозилась обычно в числе подарков жениха.

³⁸ Архив ГМЭ, I, 31/18.

числом также 13. Размеры каждого медальона: длина — 3 см, ширина — 2.5 см, длина подвесок — 5.5 см.

Подвески надевались лишь на пять дней свадьбы. Снимались тогда, когда снимался соляуч.

Серьги. Еще А. А. Семеновым было отмечено, что «женские серьги в Средней Азии отличаются весьма архаическими формами, свойственными каждому местному древнему городу».³⁹ Он видит различия в серьгах андижанских, бухарских, ташкентских и т. п. Наши материалы дают возможность увидеть значительные различия в серьгах узбеков севера и юга Хорезма.

Ушные серьги *сырга* северных узбеков Хорезма отличались большим разнообразием. Будучи сделаны из серебра, они украшались, преимущественно зернью или витой проволокой (табл. IV, 1—4, 6, 7), тогда как серьги узбекских женщин южного Хорезма бывали большего размера (диаметр — 5 см, длина подвесок — 6.5 и 4.5 см) и украшались стеклом красного цвета, бирюзой и подвесками с кораллами.⁴⁰ Серьги, кольцо (табл. IV, 10) и подвески на косы составляют как бы единый комплект.

Кроме серег со сложной отделкой, у девушек южного Хорезма пользовались большим спросом простые серьги, состоящие из трех подвесок с кораллами (табл. I, 3).

В обиходе у северноузбекских молодых женщин получили распространение казахские серьги (табл. IV, 5, 8).

Серьга в нос *арабек* делалась из тонкой золотой проволоки с двумя рядами бляшек из зерни, металлических шариков более крупного диаметра, бирюзы и спирали из той же проволоки (табл. I, 5). И в данном случае мы обращаем внимание на спираль как на один из элементов украшения.⁴¹

Арабек для девочки (лет 10—12) юга Хорезма делался из небольшого стерженька, не застегивающегося, в виде трилистника из бирюзы (табл. I, 4). Для ношения арабека прокалывалась левая ноздря.

В. Ю. Крупянская замечает, что арабек носили девочки и молодые женщины в селениях, а в городах уже в то время ношение арабека было редким.⁴² Нам же арабек почти не встречался.

Украшения шейные и нагрудные. У северных узбеков Хорезма принято украшать шею низками из цветного бисера *гульмант* (табл. IV, 9). У узбеков юга Хорезма бисерных украшений почти не встречается. Они бытуют в других областях Узбекистана, в частности у узбеков-карлуков, узбеков-дурмен.⁴³

Рисунок низанных украшений находится в прямой зависимости от особенностей их изготовления и имеет обычно геометрический характер. Ряды нитей черного бисера окаймляют основной узор, скомпонованный из нитей цветного бисера — белого, красного, синего, голубого, — образующих розетки или геометрические фигуры: ромбы, квадраты и т. д.⁴⁴

³⁹ А. А. Семенов. Из области воззрений мусульман... стр. 307.

⁴⁰ К. Л. Задыхина. Узбеки дельты Амударьи. ТХАЭЭ, т. I, 1952, стр. 376, рис. 20, 3.

⁴¹ МАЭ, № 1275-1, собир. А. Н. Самойлович, Хива, 1908 г. Размеры: диаметр серьги 30 мм, диаметр спирали 8 мм. — О носовой серьге спиралью см. также: Н. Г. Борозна. Материальная культура узбеков Баба-Тага и долины Кафирнигана. В сб.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана, М., 1966, стр. 117.

⁴² Архив ГМЭ, I, 31/47.

⁴³ К. Шаниязов. Узбеки-карлуки (историко-этнографический очерк). Ташкент, 1964, стр. 123 и рис. 124. — Эти бисерные украшения известны под названием *ханабанд*; см. также: Н. Г. Борозна. Материальная культура... стр. 117.

⁴⁴ К. Л. Задыхина. Узбеки дельты Амударьи, стр. 376, рис. 20.

Украшение делается по размеру шеи (длина — 16 см, ширина — 2.5 см), плотно охватывает ее и завязывается позади нитками. Носят его обычно молодые девушки и женщины 15—20 лет.

У северных узбеков часто встречаются стеклянные бусы с бисером и центральным крупным камнем, чаще всего с сердоликом, называемые *мунчак* (табл. II, 1). Тумар, укрепленный на низке с бисером и сердоликами *маршан*, является одним из вариантов подобных украшений.⁴⁵

Среди старинных украшений южных узбеков следует назвать *шагаджум*, одним из элементов которого является изображение раскрытых крыльев (рис. 8). Это серебряный золоченый кулон с тремя вставками бирюзы, в который вкладывалась *кокрак-дова* (букв. 'нагрудная молитва'). Кулон посредством серебряных цепочек (шесть рядов) с кораллами и штампованными четырехугольниками и треугольниками прикреплялся к плечам и спускался на грудь. Четырехугольники и треугольники украшались эмалью и чернью. По сведениям местных знатоков, использование черни и эмали в отделке серебряных украшений было заимствовано хорезмскими мастерами у ювелиров Кавказа сравнительно недавно, в начале текущего столетия.

Прежде, по-видимому, такой кулон укреплялся на нити бус. Аналогии этому украшению мы сможем найти в украшениях древнего Хорезма. Мы имеем в виду бронзовую сердцевидную бляху из Топрак-Кала, о которой пишет С. А. Трудновская.⁴⁶

Кулон, напоминающий *шагаджум*, но без мотива крыльев, виден и на одной из росписей Пенджикента.⁴⁷

К концу обшивки нагрудного разреза рубахи женщины прикреплялась подвеска для ключей *калитбаги*. Нам известно два вида таких подвесок. Первый вид — *пеш-халта*, с куполообразной штампованной частью кубба, отделанный штампованным и чеканенным растительным рисунком с ободком из бирюзы. Ключи прикреплялись к кубба на цепочках (высота кубба — 5.5 см, охват — 15 см, длина подвески — 28 см) (табл. III, 1). Второй вид встречается реже, но он, очевидно, более древний. Выполнен

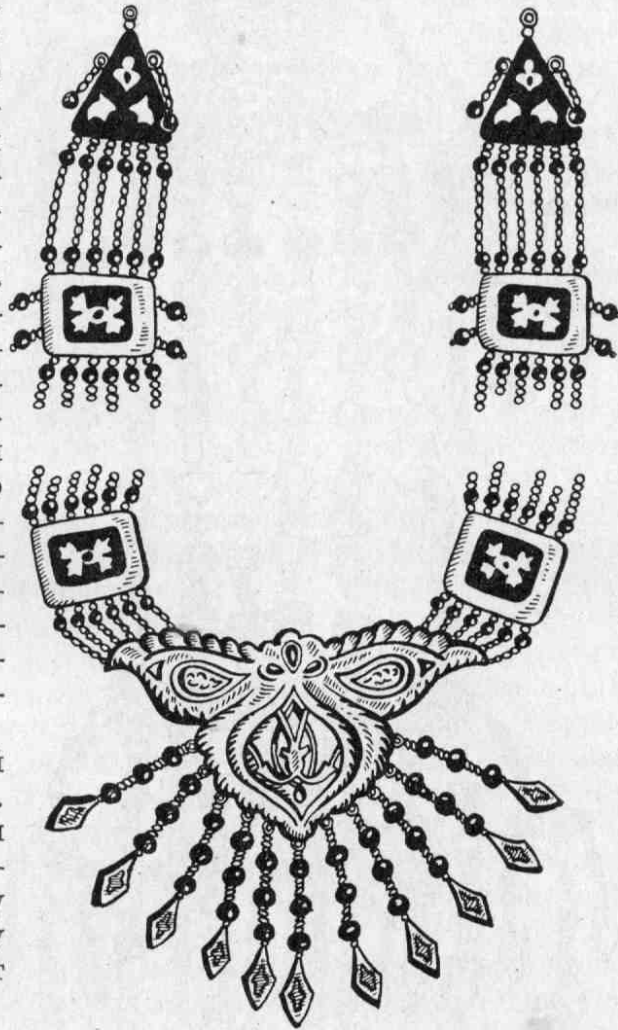

Рис. 8. *Шагаджум*. Хивинский музей.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ С. А. Трудновская. Украшения позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топрак-Калы. ТХАЭЭ, т. I, 1952, стр. 128.

⁴⁷ Н. В. Дьяконова и О. И. Смирнова. К вопросу о культе..., стр. 81, рис. 5.

техникой филигрانی. Работа тонкая и красивая. От нижней части спускаются серебряные подвески из цепочек, кораллов и штампованных бляшек. На цепочках помещались ключи. Верхняя часть оформлена в виде

головок двух птиц, повернутых в разные стороны, — мотив очень распространенный, известный нам по этнографическим и археологическим материалам. Возможны различные варианты его — изображение птиц, как в данном случае, или змей, лошадей, баранов.⁴⁸ В центре, так же как в зюльпи-тилля, — элемент, напоминающий павлина с распущенным хвостом (рис. 9).

Калитбаги входило в состав украшений невесты. В более простом виде, с кубба, оно было обычной принадлежностью «главной» пожилой женщины в большой неразделенной семье, ведавшей распределением продуктов, в чьем распоряжении находилось хранилище, склад *хазына* с продуктами.⁴⁹

Браслеты. Браслеты близки по форме и способу орнаментации можно подразделить на несколько типов. На севере и юге Хорезма наиболее часто встречался плоский браслет из серебра, довольно узкий (2 см), не закрывающийся (диаметр 4.5—5.5 см), концы которого оформлены закруглением или тремя закругленными зубцами (I тип). На внешней плоской стороне браслетов наносился точечный орнамент, члененный на четырехугольники, ромбы с перегородкой между ними или треугольники, соединенные вершинами (табл. IV, 14). Такие браслеты носят в основном женщины лет 40—60 и старше.

II тип браслета также широко бытует. Браслет более мас-

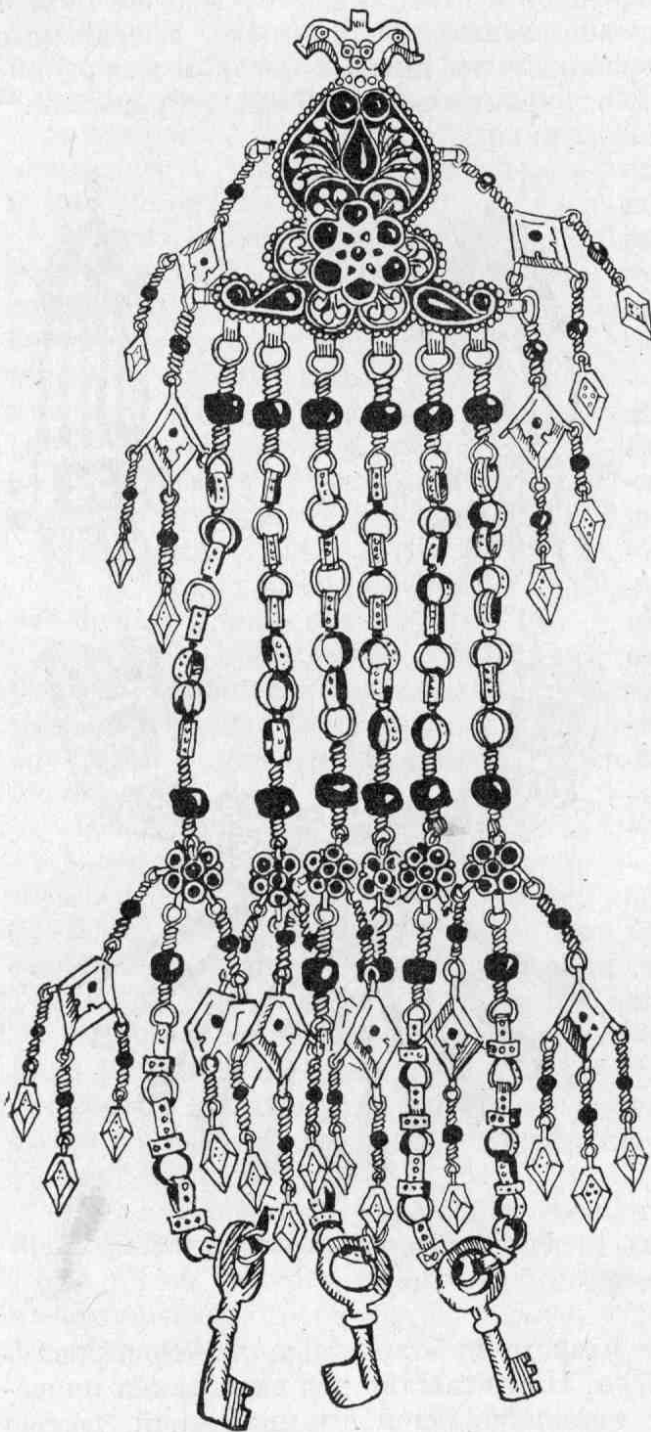

Рис. 9. Калитбаги. ГМЭ, ОР, № 517.

⁴⁸ Н. А. Кисляков. Свадебные лицевые занавески горных таджиков. Сб. МАЭ, т. XV, 1953, стр. 292—316; С. П. Толстов. Итоги двадцати лет работы Хорезмской экспедиции. СЭ, 1957, № 4, стр. 48, рис. 15, 7.

⁴⁹ М. В. Сазонова. Материалы к этнографии узбеков южного Хорезма. ТХАЭЭ, т. I, 1952, стр. 304—305.

сивный. Сделан из серебра, не закрывающийся. Концы оформлены двумя или тремя зубцами. Браслет более широкий (2.5 см), несколько суживается к концам, но концы опять расширяются.

В отличие от предыдущего типа, браслет украшен выпуклым узором из того же серебра, иногда гладким, иногда в сочетании с точечным орнаментом, подчеркивающим край браслета и контуры выпуклого узора, иногда — с чернью. Этот выпуклый элемент рисунка встретится нам позже в виде амулета новорожденного ребенка. Нередко этот тип браслета вместо точечного орнамента украшался вставками бирюзы или ее имитации, располагавшимися в центре; орнамент сохранял те же геометрические формы, но включал некоторые растительные элементы или был более подчеркнут (табл. IV, 15).

И, наконец, браслет III типа, как нам кажется, близок к браслету II типа, но он более массивен, с тем же рисунком, но уже с растительными элементами и вихристой розеткой в центре и с четырьмя зубчиками на концах.⁵⁰

Промежуточным типом между II и III являются браслеты также серебряные, но с позолотой, дутые, закругленной формы, геометрический орнамент которых имеет много общего с выпуклым орнаментом II типа, но прочерчивается способом насечки.

Браслеты II и III типа носили обычно молодые женщины. Наряду с этими браслетами местной работы среди узбекских женщин имеют распространение браслеты каракалпакские⁵¹ и туркменские.⁵²

Детские браслеты очень узенькие, не закрывающиеся, без узора. Традиция украшения рук детей браслетами, особенно бусами, несомненно говорит о том, что здесь мы имеем дело не только с украшением, но и с представлениями иного плана (см. стр. 131).

Кольца и перстни. Кольца и перстни *узук* (хорезмск. *юзик*) узбеков севера и юга Хорезма не представляют чего-либо оригинального. Они широко бытуют и в настоящее время. Носят их женщины и — значительно реже — мужчины, надевая на мизинец, указательный и безымянный пальцы.⁵³

Как мы уже отмечали выше, изготавливались они в основном из серебра, иногда покрывались позолотой. Были широко распространены различные кольца из меди со вставками из цветного стекла — красного, синего и голубого.⁵⁴

В старинных образцах колец вставки делались из бирюзы и сердолика, часто в сочетании. В дополнение к крупным вставкам вокруг центрального большого камня, обычно овальной или четырехугольной формы, располагалась розетка из малых камней — бирюзы или мастики, ее имитирующей (табл. IV, 10). Иногда вставки из камня окаймлялись чернью, крупной в чередовании с мелкой (табл. IV, 13). Нередко вокруг вставки из бирюзы или сердолика делалась оправа из витой серебряной проволоки (или золоченой, если кольцо было золоченым).

Широко распространены большие перстни с украшением в виде шестиугольного щитка с точечным узором и бирюзы в окружении тонкой витой

⁵⁰ К. Л. Задыхина. Узбеки дельты Амударьи, стр. 377, рис. 21.

⁵¹ Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса. ТХАЭЭ, т. I, 1952, стр. 561, рис. 36, 6.

⁵² ИЭ. Материалы южноузбекского отряда. Хива, 1946 г., полевая запись 6.

⁵³ По сведениям В. Ю. Крупянской, на среднем пальце носили кольца только омывальщики трупов. — Архив ГМЭ, карточка без номера; см. также: Архив ГМЭ, V, 31/43; М. Ф. Гаврилов. Об обычае сартов носить кольца на мизинце. Туркестанские ведомости, 1911, № 162.

⁵⁴ ИЭ. Материалы северноузбекского отряда. Кипчак, 1951 г.; ИЭ, № И-52/1, 2.

проволоки или с выпуклыми бляшками с мелкими вставками бирюзы и всегда с крупными шариками по четырем углам щитка (табл. IV, 11, 12).

Такие кольца носили интересное название *курбака узук* лягушка-кольцо (хорезмск. *круака юзик*). Эти кольца носили женщины в селениях.

Наибольший интерес представляет кольцо с большим сердоликом (рис. 10). У него мы видим ту же форму, что и у бронзового кольца из раскопок Топрак-Кала.⁵⁵ Кольцо имеет то же общее построение и элементы четырех спиральных завитков, сохранение которых отмечено в одном из современных типов каракалпакских колец.

Иначе говоря, в этом экземпляре мы встречаемся еще с одним вариантом древнехорезмийских традиций в украшениях современных народов Хорезма, которые выявлены были С. А. Трудновской у каракалпаков. Не лишним будет напомнить, что спираль является знаком воды.

Уже в числе предметов из Джанбас-Кала (памятник кангюйского времени — IV в. до н. э. — I в. н. э.) С. П. Толстов приводит образцы колец из витой проволоки с гнездами для камней или в виде свернутой в кольцо змеи.⁵⁶

Это дает нам основание считать кольца одним из самых традиционных видов украшений народов Хорезма.

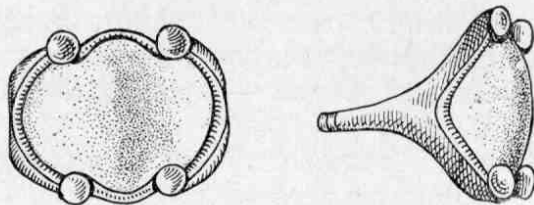

Рис. 10. Узук. Хивинский район, Мадыр. ИЭ.

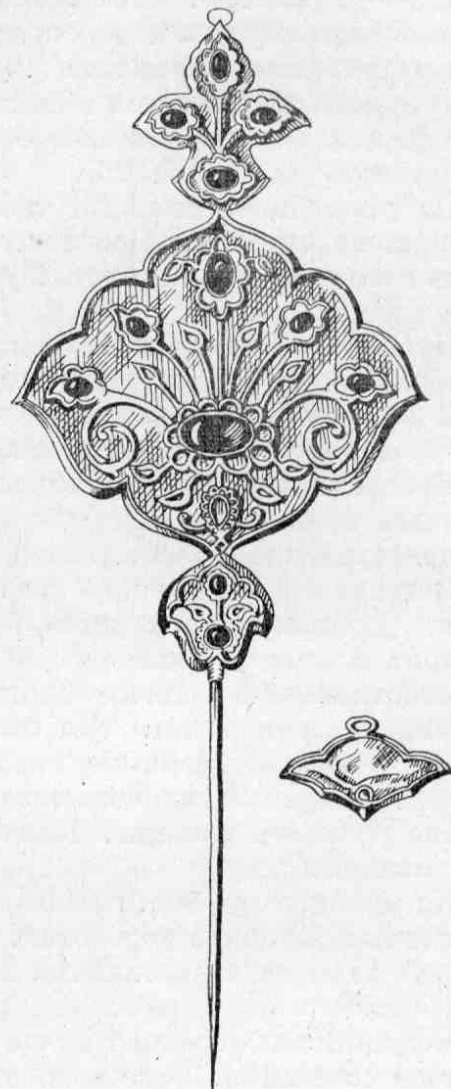

Рис. 11. Джига. ГМЭ, ОК, № 521.

МУЖСКИЕ УКРАШЕНИЯ

Мужские украшения широких народных масс просты и немногочисленны.⁵⁷

⁵⁵ С. А. Трудновская. Украшения позднеантичного Хорезма. , табл. III, 3.

⁵⁶ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 89, рис. 6; см. также: Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии памятников джеты-асарской культуры. В сб.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана, М., 1966, стр. 66, рис. 13, 12—14, 16—18.

⁵⁷ Мы оставляем в стороне мужские украшения господствовавших классов. К ним относились кольца и перстни, пряжки нарядных (в основном бархатных) поясов и богато отделанное оружие — ножи, сабли, шашки и пр.

Среди украшений мужчин в первую очередь надо сказать о джиге,⁵⁸ увенчивавшей головной убор жениха на свадьбе (рис. 11). По нашим сведениям, джига надевалась лишь на один день, — по-видимому, на первый день уллы-тоя.⁵⁹

Это большая игла с навершием из серебряных позолоченных штампованных пластин, вырезанных по соответствующей форме ульча, спаянных краями, на прослойке из вара (размер: общая высота — 22 см, высота узорной части — 13 см, наибольшая ширина — 7 см). Форма центральной части напоминает раскрывшийся цветок тюльпана, нижняя — такой же цветок, но меньших размеров. Верхняя часть джиги имеет форму трилистника, там же трубочка для перьев филина. Внешняя сторона украшена вставками цветного стекла в форме листков на стеблях, бирюзы и штампованного узора с элементами миндаля. У острых концов верхней и центральной части — подвески из кораллов и цепочек. Подобную же форму имеет металлическое украшение, отнесенное С. П. Толстовым к категории средневековых памятников хорезмийской культуры.⁶⁰

Как видно из краткого его описания, и по форме и по манере отделки оно близко к некоторым украшениям невесты и молодой. Мы не можем не обратить внимания на то, что прежнее значение этого слова — 'имеющий форму джикка' (иранск. *джикка* 'птичий гребешок').⁶¹ Оно уводит нас также в сферу изображения птицы по принципу изображения части от целого. При этом мы не отказываемся видеть здесь не только символ богини плодородия, но и следы тотемистических представлений.

Несомненно одно — это украшение также связано с идеей плодородия, с благопожеланиями брачующимся и охранением их от всего недоброго.

ДЕТСКИЕ УКРАШЕНИЯ

Широко известно очень внимательное, бережное, любовное отношение к детям в Средней Азии. В стремлении уберечь, сохранить ребенка в прошлом его окружали множеством различного рода амулетов и оберегов, которые в то же время являлись и украшением его самого, его одежды и колыбели.

Буквально с первых дней жизни ребенка (*бёбек*) ему надевали на руку небольшую нитку бус, среди которых одна бусина должна быть черной (из мастики) с белыми крапинками. Такая бусина высоко ценилась, так как считалось, что она обладала свойством отводить от ребенка сглаз и все недоброе.⁶²

На шапочку новорожденного пришивался небольшой амулет (длина — 3 см, ширина — 1 см), вырезанный из кости (табл. V, 4). Нельзя не заметить, что форма его напоминает тот накладной узор, который мы уже видели на браслетах, отнесенных нами ко II типу (табл. IV, 15).

⁵⁸ Узбекско-русский словарь. М., 1959, стр. 156.

⁵⁹ В узбекско-русском словаре сообщается, что джига надевалась и мальчику в день обрезания. Мы этого не наблюдали.

⁶⁰ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, рис. 91, 5.

⁶¹ Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I. СПб., 1869, стр. 437. — Это название относилось и к мужским и к женским украшениям.

⁶² О бусинке с белыми крапинками см. также: М. Хамиджанова. Некоторые представления таджиков, связанные со змеями. Сб. памяти М. С. Андреева, ТИИАЭ АН Тадж. ССР, т. СХХ, 1960, стр. 218 и 221; о нитках с черными бусами — девичьем украшении у узбеков-дурмен — см.: Н. Г. Борозна. Материальная культура... стр. 117.

На халатик детей более старшего возраста пришивались раковины, *илан-баши* 'голова змеи', пучки перьев филина и пучки шерсти с колен и шеи верблюда *джугде*,⁶³ которые должны были служить той же цели. К тюбетейке или на спинку халатика пришивались также тумары в виде зашитых в лоскуток ткани или мягкой телячьей кожи текстов корана (табл. V, 10).

Очень распространены были небольшие пластинки из кусочков дерева, называвшиеся *илиштирик* по названию дерева, из которого они вырезались.⁶⁴

В Ханкинском районе нам говорили, что эти мелкие вещицы вешают на голову детей от злых духов *аджина* и *албасты*. Делают их из дерева илиштирика, считавшегося священным, называя его *джаноза агач* в смысле «дерева предков».⁶⁵

По сведениям В. Ю. Крупянской, некоторые амулеты-илиштирики, кроме детей, носили и женщины в предохранение от злых духов.⁶⁶

Форма илиштирика бывала разной, чаще всего это вытянутый прямоугольник с узорными краями. Внешняя поверхность его тщательно отделывалась и покрывалась геометрическим орнаментом, состоящим из прямых пересекающихся линий, треугольников и кружков.

Орнамент не может нас не интересовать. Мы видим связь орнамента на илиштириках с орнаментом, наносимым на внешний фасад и *кунгра* 'колонны' жилища.⁶⁷

Одновременно с этим в орнаменте илиштирика явственно прослеживаются элементы орнаментальных мотивов и форм, известных нам по археологическим материалам Хорезма.

Учитывая, что на ранних этапах развития искусства синтез различных видов его проявляется с большей силой, мы можем отметить единый или, точнее, близкий характер орнамента, нанесенного на различные предметы и в разных материалах (в данном случае — необожженная глина, керамика, кость, дерево, металл и др.).

Попытаемся выявить аналогию изучаемых нами амулетов на материале древнего Хорезма. Наиболее ранние мотивы мы видим в кангюйском комплексе керамики (Джанбас-Кала, IV в. до н. э. — I в. н. э.) — перекрещивающиеся и зигзагообразные линии, углы из линий, кружки с точкой и отрезками.

Кушано — афригидские памятники (Топрак-Кала и Якке-Парсан, III—IV вв. н. э.) — дают нам не менее выразительные аналогии:⁶⁸ прямоугольники с перекрещенными нитями, розетки, мотив рогов.

⁶³ ИЭ. Материалы южноузбекского отряда Л. Э. Калмыкова, 1949 г., полевая запись 17.

⁶⁴ В статье И. Краузе «О хивинском земледелии» (ИРГО, т. X, 1874, стр. 44) в числе садовых деревьев назван боярышник и приведено его местное название в транскрипции — *арыштерек* (лат. *crataegus*). Автор отмечает, что в каждом саду можно встретить боярышник, привитый на айве.

⁶⁵ ИЭ. Материалы южноузбекского отряда. Ваис Адамов, 75 лет, сельсовет Зинахас, 1949 г., полевая запись 24. — Нам приходилось видеть ветку илиштирика, воткнутую в трещину глинобитной стены во внутреннем дворе нового в то время дома Ибрагима Яхшиева (колхоз Кызыл, Узбекистан, сельсовет Пирнахос Хивинского района Хорезмской области). Это место отмечено хорошо выполненным орнаментом с кругами. Наличие ветки илиштирика в сочетании с узором на стене, напоминающим солярные знаки, не случайно. Эти явления безусловно взаимосвязаны.

⁶⁶ Архив ГМЭ, V, 31/90. — Наряду с амулетами из дерева бывали амулеты такой же формы из кости. Они были известны под тем же названием.

⁶⁷ Таблицы некоторых изображений жилища см.: М. В. С а з о н о в а. Материалы к этнографии узбеков южного Хорезма, стр. 296, рис. 22.

⁶⁸ С. П. Т о л с т о в. Древний Хорезм, стр. 86, см. также стр. 87, рис. 23, стр. 121, рис. 63 (находки с городища Топрак-Кала) и стр. 122, рис. 64 (Топрак-Кала. Находки с окружающих такиров).

Не менее многочисленные примеры близости к некоторым из известных нам амулетов-илиштириков дают находки с такиров Беркут-Кала — раннее средневековое Хорезма⁶⁹ (точечный орнамент, процарапанный рисунок в виде коня и др.) и время Хорезмшахов⁷⁰ (розетки с выемкой фона, выемчатые треугольники). Но в этой близости мы видим не внешнее сходство, а глубокие генетические связи.

Если при описании и анализе ювелирных украшений выявляются знаки и эмблемы, связанные в основном с Анахитой, то в амулетах-илиштириках мы встречаемся с элементами не только знаков Анахиты, но и знаков, связанных с зороастризмом (в форме среднеазиатского маздеизма), с символами солнечного культа Митры, с культом Сиявуша — героя-предка, божества-предка, бога воскресающей и умирающей природы. Как полагают, в глубокой древности, на стадии тотемистических культов, это божество представлялось в виде коня. В дальнейшем, при антропоморфизации, Сиявуш стал изображаться как всадник, и символы его напоминали прежний облик коня или символы солнца.⁷¹

Приведем для примера небольшой амулет, вырезанный из дерева (длина его — 3.8 см, ширина — 2.7 см). Заострения, расположенные на двух концах, представляют собой изображение двух голов коней, сильно стилизованные. В центре амулета — четыре квадрата с перекрещенными линиями каждый (табл. V, 8; ср. табл. V, 9).

Расположение квадратов в илиштириках близко по структуре тем солнечным символам, которые, как предполагает Ю. А. Раппопорт, лежат в основе определенных погребальных построек Хорезма.⁷² Иначе говоря, в основе этого рисунка лежат те солярные знаки, которые отмечены Ю. А. Раппопортом. Что же касается перекрещивания квадратов или прямоугольников, то подобные графические рисунки также известны нам по археологическим материалам Топрак-Кала. Они могут рассматриваться как квадраты или прямоугольники с включением в них крестовины.⁷³ Треугольники внутри четырехугольника илиштирика образуются по существу путем выемки фона для подчеркивания перекрещивающихся линий.

На некоторых экземплярах головки коня изображены вполне реалистично и настолько четко, что хорошо просматривается даже грива (табл. V, 6).

Как тот, так и другой экземпляр илиштирика считался амулетом и привешивался к головному убору ребенка.

В других амулетах знаки Анахиты и Сиявуша сочетались, как например в амулете из дерева № 21944 (ГМЭ). С двух концов его расположена пара птиц, — судя по концам хвоста, ласточек (табл. V, 1). Связь Ана-

⁶⁹ Там же, стр. 129, рис. 73 (античное и афригидское время — VII—IX вв.), стр. 131, рис. 74, б (Нариджан-баба. Находки с такиров. Античное и афригидское время). — Подобные узоры более близки к украшениям на браслетах с точечным орнаментом.

⁷⁰ Там же, стр. 163, рис. 163 (Кават-Кала. Архитектурные и керамические орнаменты. XI—XIII вв.).

⁷¹ С. П. Толстов. 1) По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 83, 85—86; 2) Древний Хорезм, стр. 201—205; М. М. Дьяконов. Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии, КСИИМК, вып. XL, 1951, стр. 41; Ю. А. Раппопорт. Хорезмийские асоданы, стр. 76—79.

⁷² Ю. А. Раппопорт. Хорезмийские асоданы, стр. 79 и рис. 7, 2; см. также: С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 121, рис. 63.

⁷³ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 121, рис. 63 (Топрак-Кала); Ю. А. Раппопорт. Хорезмийские асоданы, стр. 79, сн. 57. — Подобные знаки имеются и на ободке серебряного блюда с изображением Анахиты. См.: Н. В. Дьяконова и О. И. Смирнова. К вопросу о культе. ., стр. 79, рис. 4, 2.

хиты с птицей мы уже имели возможность отметить. В центре — два квадрата с угольчатым рисунком, напоминающим перекрещенные квадраты на амулете № 21945 (ГМЭ), рассмотренным нами предположительно как знак солнца. Между ними горизонтальная ломаная линия — знак, которым, по мнению В. М. Массона, в устойчивой системе культовых символов южного Туркменистана изображалось божество водной стихии.⁷⁴

Среди узоров на амулетах-илиштириках есть и другие элементы. Так, на амулете из кости, подвешиваемом к головному убору ребенка (длина — 3.5 см, ширина — 2.4 см) (табл. V, 3), есть узор, имеющий аналогии на костяных предметах из Тешик-Кала.⁷⁵

Изображение коней из Койкрылган-Кала на ручке вертела сопровождается таким же знаком.⁷⁶ Нам представляется, что этот прием предназначен для усиления одного образа символом, знаком такого же содержания. Тот же элемент имеется в узоре керамики Джанбас-Кала, приведенном нами выше (см. стр. 132). Но там узор оброс мельчайшими черточками, напоминающими лучики. Если это так, то данный мотив можно рассматривать как мотив астральный (этой возможности мы не исключаем).

На одном из амулетов изображена змея, свернувшаяся в клубок (диаметр амулета — 4 см) (табл. V, 2). Этот узор также связан с теми образцами, о которых мы говорим.⁷⁷ Культ змеи, как показывают различные источники, был широко распространен в Средней Азии. При этом он был тесно связан с одеждой детей.⁷⁸ Данный амулет прикреплялся к одежде ребенка (на спине) от сглаза.⁷⁹

Разнообразны амулеты-илиштирики с мотивами рогов⁸⁰ (табл. V, 5, 7).

Вообще, будучи необычайно стойкой по своей природе вещью (в силу большой устойчивости идеологических представлений), амулеты-илиштирики отразили большой комплекс явлений духовной жизни народов в прошлом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы уже имели возможность отметить выше, почти все виды украшений, кроме удовлетворения эстетических чувств, связаны с представлением о сохранении носившего их от всяких бед и несчастий, а также с благопожеланиями. В них отражался возраст обладателя. Иными словами, они имели также и смысловое значение. Мы попытались раскрыть некоторые его элементы. Где истоки этих представлений, с чем мы их связываем?

Нам кажется, что мы имеем дело с пережитками тех представлений, которые так широко разработаны исследователями на археологическом

⁷⁴ В. М. М а с с о н. На путях к письменности. Наука и жизнь, 1967, № 4, стр. 34 (IV группа знаков в таблице южнотуркменских знаков).

⁷⁵ С. П. Т о л с т о в. Древний Хорезм, табл. 55 (Тазабагъябская культура II тысячелетия до н. э.). Об этом же элементе орнамента см.: С. В. И в а н о в. Орнамент. Историко-этнографический атлас народов Сибири. М.—Л., 1961, стр. 373.

⁷⁶ С. П. Т о л с т о в. 1) Древний Хорезм, стр. 206—207; 2) Итоги 20 лет работы Хорезмской экспедиции. СЭ, 1957, № 4, стр. 48, рис. 15, 7.

⁷⁷ Там же, стр. 208, 292—307.

⁷⁸ М. Х а м и д ж а н о в а. Некоторые представления. . . , стр. 208—221.

⁷⁹ Архив ГМЭ, V, 31—76.

⁸⁰ Культ козла (барана) также связан с комплексом фратрии, в которую входило солнце и мужское начало. См.: С. П. Т о л с т о в. Древний Хорезм, стр. 305. — Вопрос о культе козла в Средней Азии разработан советскими этнографами основательно. Например, см.: Н. А. К и с л я к о в. Бурх — горный козел. СЭ, 1934, № 1—2.

материале и в первую очередь на мелких терракотовых статуэтках. Мы имеем в виду культ женского божества, связанный с культом плодородия, персонифицированного в образе женщины-прародительницы, женщины-матери; он зародился еще в период матриархата и сохраняется в условиях развитых патриархальных отношений, вобравших в себя также и ряд представлений последующих эпох.

Анализируя древнехорезмийские терракоты, С. П. Толстов констатирует, что они «являются изображениями двух наиболее почитаемых божеств древнехорезмийского пантеона, вероятно (судя по обилию находок и по нахождению таких статуэток внутри жилых комнат) имевшимися у каждой семьи как «идолы» мусульманской Бухары в тесте Нершахи».⁸¹

Мы предполагаем, что эти терракотовые фигурки помогут и нам понять происхождение и смысловое значение форм и узоров украшений.

По мнению В. М. Массона, «традиция изготовления женских статуэток дожила до сравнительно позднего времени»; как он полагает, «различные культы женского божества, земледельческо-скотоводческих племен поры энеолита и бронзового века послужили основой, на которой сложился образ авестийской Ардвисуры-Анахиты, покровительницы скота, богини небесных вод и плодородия. . . советские археологи склонны видеть образ Анахиты в терракотовых женских статуэтках, находимых в Согде, Хорезме, Маргиане и Бактрии».⁸²

Давая описание статуэток южного Туркменистана, В. М. Массон отмечает: «На крупных статуэтках следы росписи: на шее изображались ожерелья, на плечах — вертикальные полосы, а на бедрах — фантастическое животное с изломанным под углом туловищем, известное также по рисункам на керамике и имевшее несомненно магическое значение».⁸³

Позднее, суммируя все известное о статуэтках южного Туркменистана, он пишет: «Изящные фигурки находим мы в жилых помещениях, святилищах и даже среди погребальной утвари. В ритуальном назначении этих статуэток сомневаться не приходится. Почти все они имели на плечах и спине, руках и груди знаки, сделанные ножом или заостренной палочкой. Таких знаков обнаружено свыше 20».⁸⁴

Мы не беремся судить, существовала ли татуировка тела в Средней Азии, а если существовала, то предшествовала ли она изображениям различных знаков на женских терракотовых статуэтках, хотя некоторые данные о татуировке и дают все те же терракотовые фигурки. Примером может служить фигурка из Анау, на бедре которой красной краской нанесены две крупные метки в виде знака ∇ . Но о магическом значении различного рода знаков на фигурках древнего Самарканда пишет также и Л. И. Ремпель, усматривая в них не столько наивное воспроизведение природы, сколько искусственное восприятие частей вместо целого, знака вместо образа, игравшее, по представлению автора, исключительно культовую роль. Он считает также, что фигурки эти принадлежат к пережиткам культа местных патриархальных богов типа переднеазиатской Наны, слившейся затем с ее местным двойником — Анахитой.⁸⁵

Рассматривая отдельные знаки на фигурках, В. М. Массон высказывает очень интересную мысль, что это определенные символы и эмблемы

⁸¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 205.

⁸² В. М. Массон. О культе женского божества у Анаусского племени. КСИИМК, вып. 73, 1959, стр. 19.

⁸³ Там же, стр. 18.

⁸⁴ В. М. Массон. На путях к письменности, стр. 34.

⁸⁵ Л. И. Ремпель. Новые материалы к изучению древней скульптуры южной Туркмении. ТЮТАКЭ, т. II, 1953, стр. 173—174.

божества южнотуркменистанского Олимпа той эпохи: «Так, статуэтки с восьмилучевой звездой воспроизводили богиню небес, в другом случае — знак ветви растения отождествляли с покровительницей растительного мира, знаком зигзаг — воды изображалось божество водной стихии» и т. д.⁸⁶

Такое понимание смыслового значения терракотовых статуэток помогает, как нам кажется, разобраться в истоках, в происхождении украшений, что мы и пытались показать своим материалом.

Не связаны ли генетически отдельные элементы, прослеживаемые нами в форме и в названии украшений, с пережитками тех идеологических представлений, которые господствовали некогда у населения древнего Хорезма? Нам кажется, что мы должны ответить на этот вопрос положительно.

В отдельных мотивах, в их формах мы видим сохранившуюся традицию изображения богини Анахиты: птица как символ богини, мотивы птицы — крылья, гребешки и т. д., спираль как элемент, воспроизводящий стихию воды, олицетворявший богиню, лягушка как ее атрибут и др.

От культа Сиявуша — бога солнца, бога-предка — в традициях сохранились символы в виде солнечного диска и солярные знаки в различных их решениях, образ коня.

Исконность и архаичность украшений подтверждаются и тем, что большинство их носит иранские названия.

Традиционно повторяемые множеством поколений мастеров, эти знаки-символы хотя и незначительно, но изменялись, а формы и виды украшений множились. Так, например, в украшении хакик-дузи и тилля-дузи мы с трудом, но все же можем распознать первоначальную форму в виде приведенного нами кашине. Украшение бадам-ой превращалось в *бадам*,⁸⁷ сохранив один из элементов прежнего мотива, или в украшение *алям-совер*, лишь отдаленно напоминающие исходную форму бадам-ой.⁸⁸

В жизни Хорезма, в силу целого ряда обстоятельств историко-культурного его развития, на протяжении многих столетий устойчиво сохранялась архаическая обрядность и связанные с ней религиозно-магические ритуалы, особенно проявлявшиеся в свадьбе, что было отмечено Н. П. Лобачевой и с чем нельзя не согласиться.⁸⁹

Именно в силу этого украшения наглядно отражали возраст носивших их (особенно женщин) и соответственно принадлежность их к определенным возрастным группам.

Приведенный материал, как нам представляется, выявляет различия в украшениях узбеков севера и юга Хорезма. У северных узбеков преобладают формы ювелирных украшений, сходные с украшениями других родоплеменных групп узбеков, сближающие их с культурой других тюркских народов Средней Азии и Казахстана — каракалпаков, казахов и др. В украшениях узбеков юга Хорезма на протяжении многих веков сохранялись древнехорезмийские традиции, проявлявшиеся в сложной, утонченной форме их, в названиях, имевших иранскую основу, что особенно проявлялось в комплексе свадебных украшений.

Вместе с тем украшения той и другой этнографических групп населения Узбекистана теснейшим образом связаны с типами украшений, характерными для узбеков других областей Узбекистана и, что особенно интересно, таджиков. Достаточно назвать такие украшения, как тилля-

⁸⁶ В. М. М а с с о н. На путях к письменности, стр. 34.

⁸⁷ ГМЭ. № 6513-1.

⁸⁸ ИЭ. Материалы южноузбекского отряда. Хива, 1946 г.

⁸⁹ Н. П. Л о б а ч е в а. Свадебный обряд хорезмских узбеков, стр. 48.

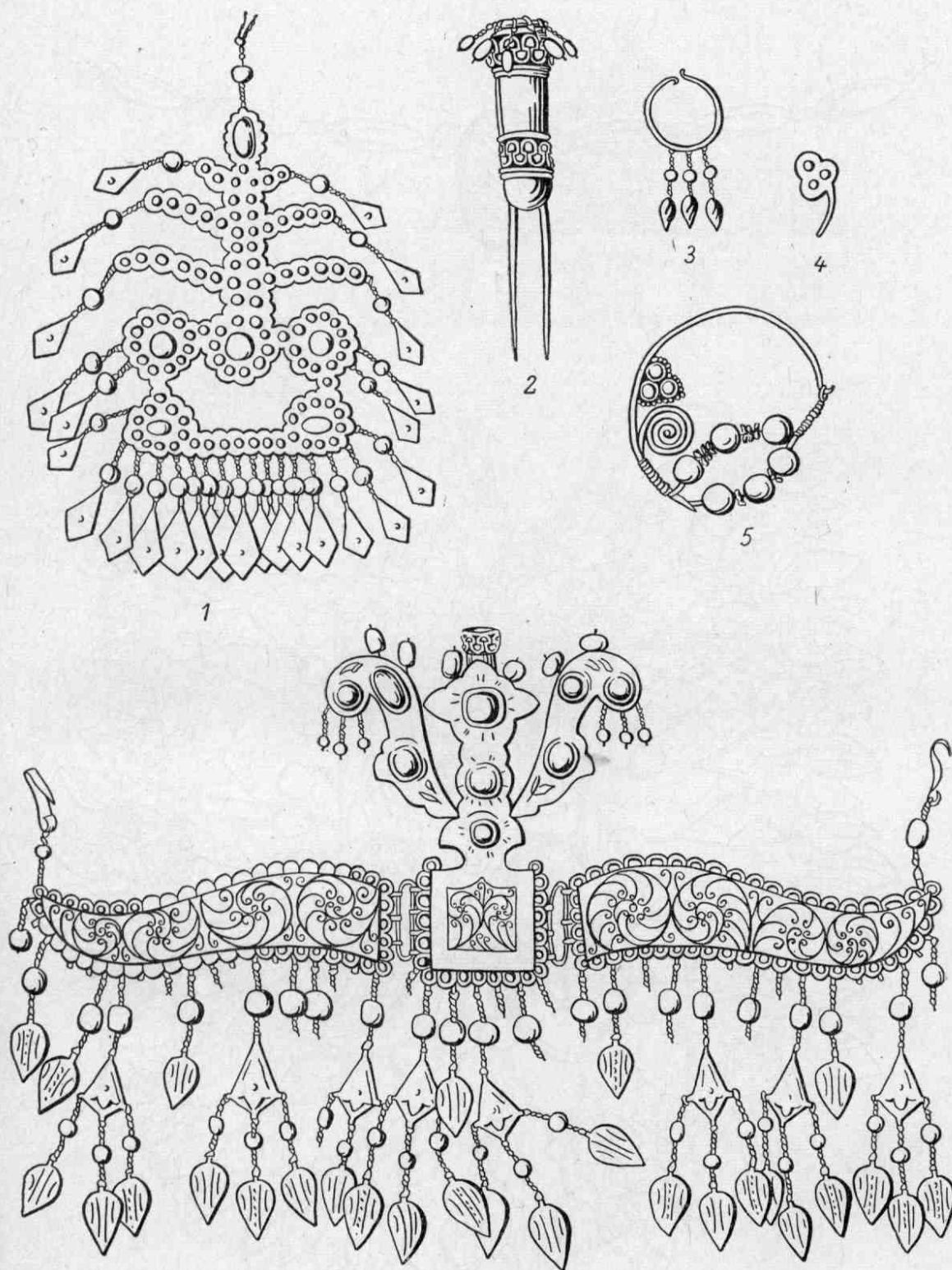
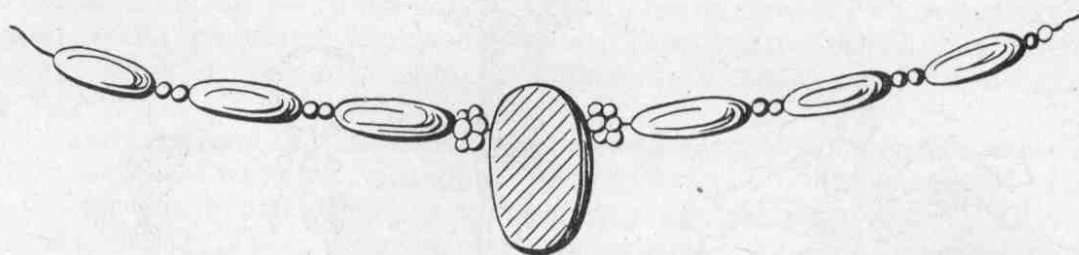
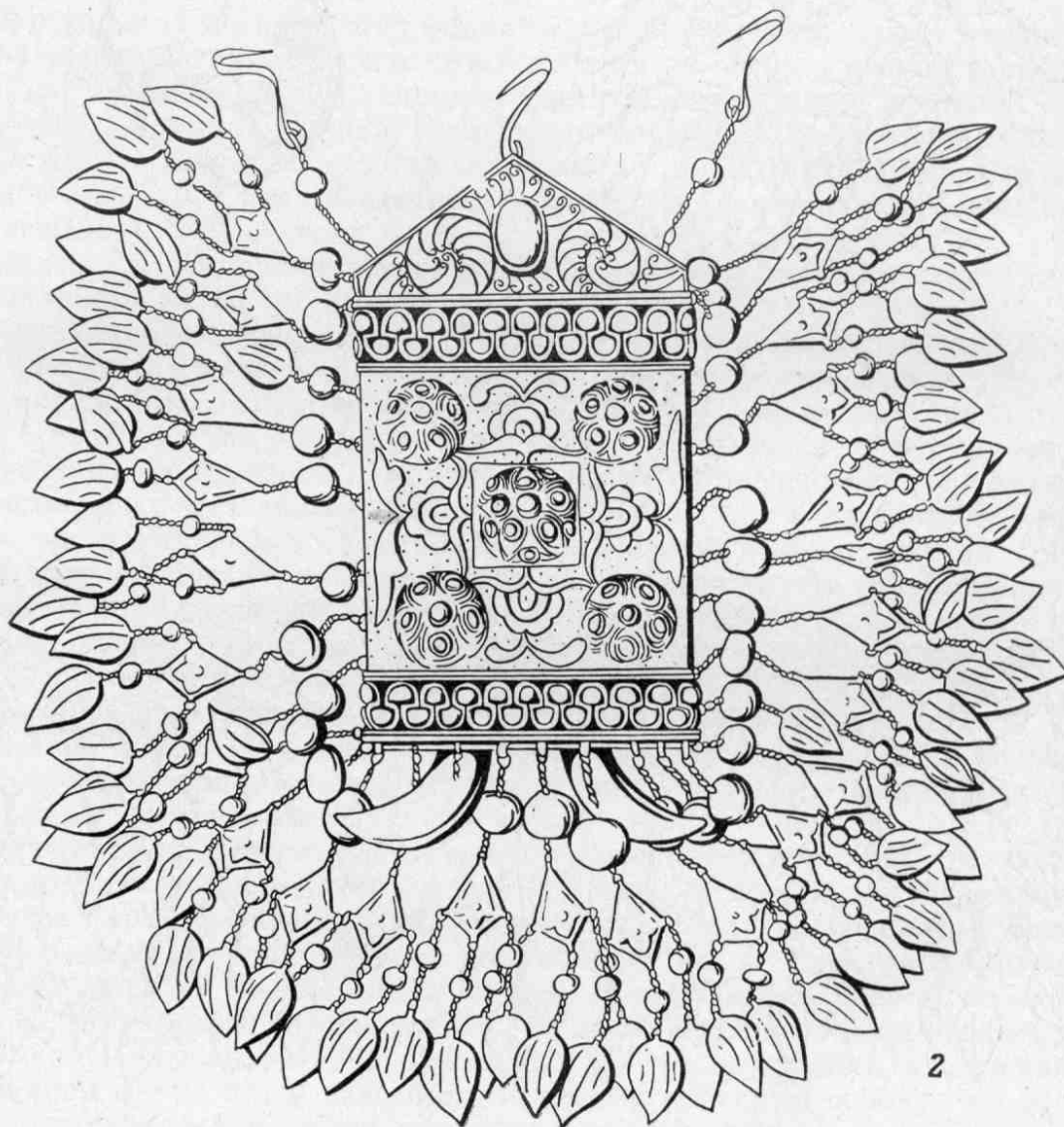

Табл. I. Височные, налобные украшения и серьги.

1 — гёзмунджик. Хивинский музей; 2 — пархана. ГМЭ, ОК, № 545; 3 — сырга. Хивинский район. ИЭ; 4 — арабек. Хивинский район. ИЭ; 5 — арабек. Шуманайский район. ИЭ, № И-1525-133; 6 — канат-осьма. ГМЭ, ОК, № 467.

1

2

Табл. II. Височное и шейное украшения.

1 — мунчак. ИЭ, № И-1525-96; 2 — бутун-туннаж. ГМЭ, № 540/1.

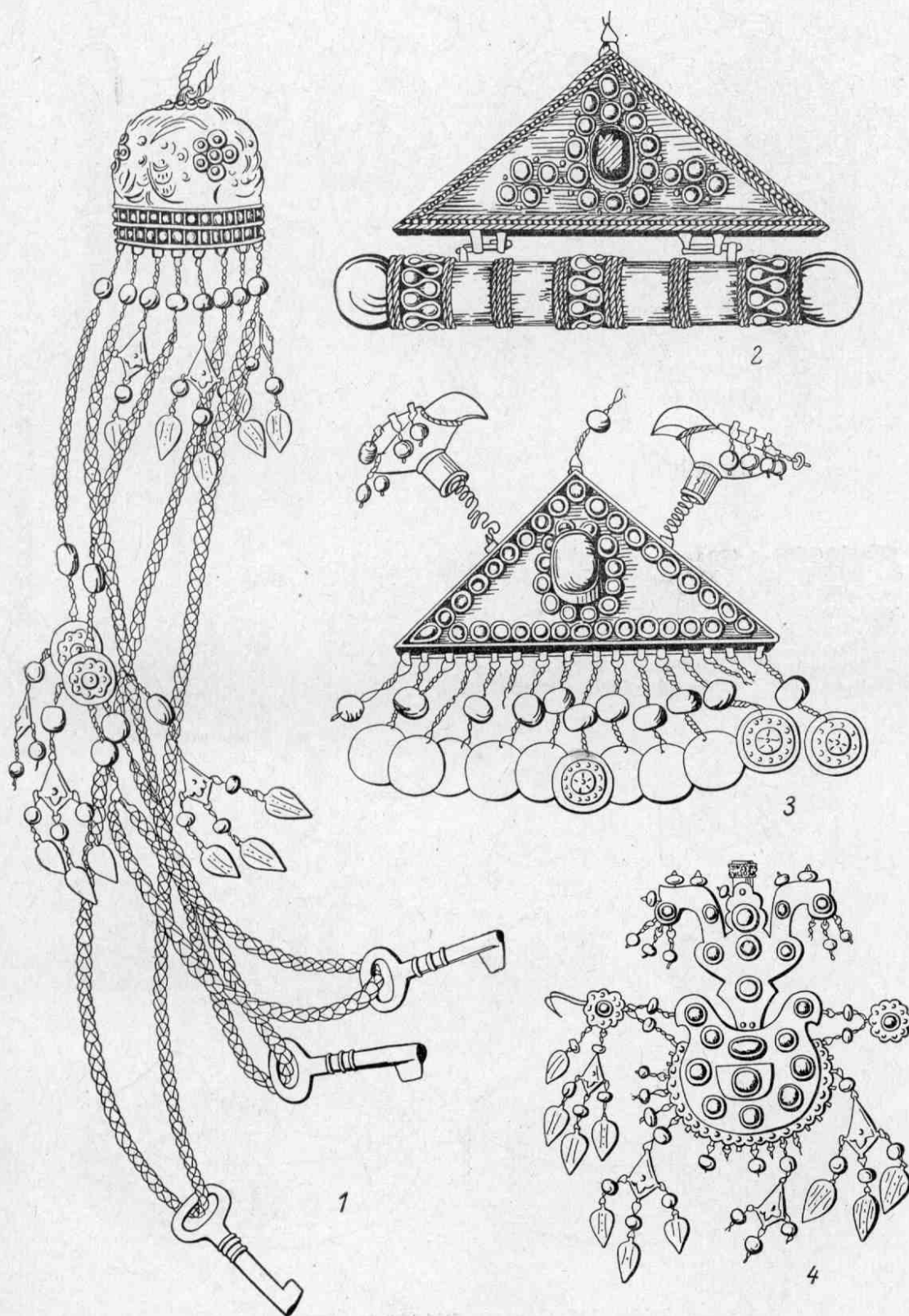

Табл. III. Височные украшения и связка ключей.

1 — *пеш-халта*. ГМЭ, ОК, № 547; 2 — *тумар-банд*. ГМЭ, № 6513-2; 3 — *тумар*. ГМЭ, ОК № 546; 4 — *дузи*. ГМЭ, ОК, № 544.

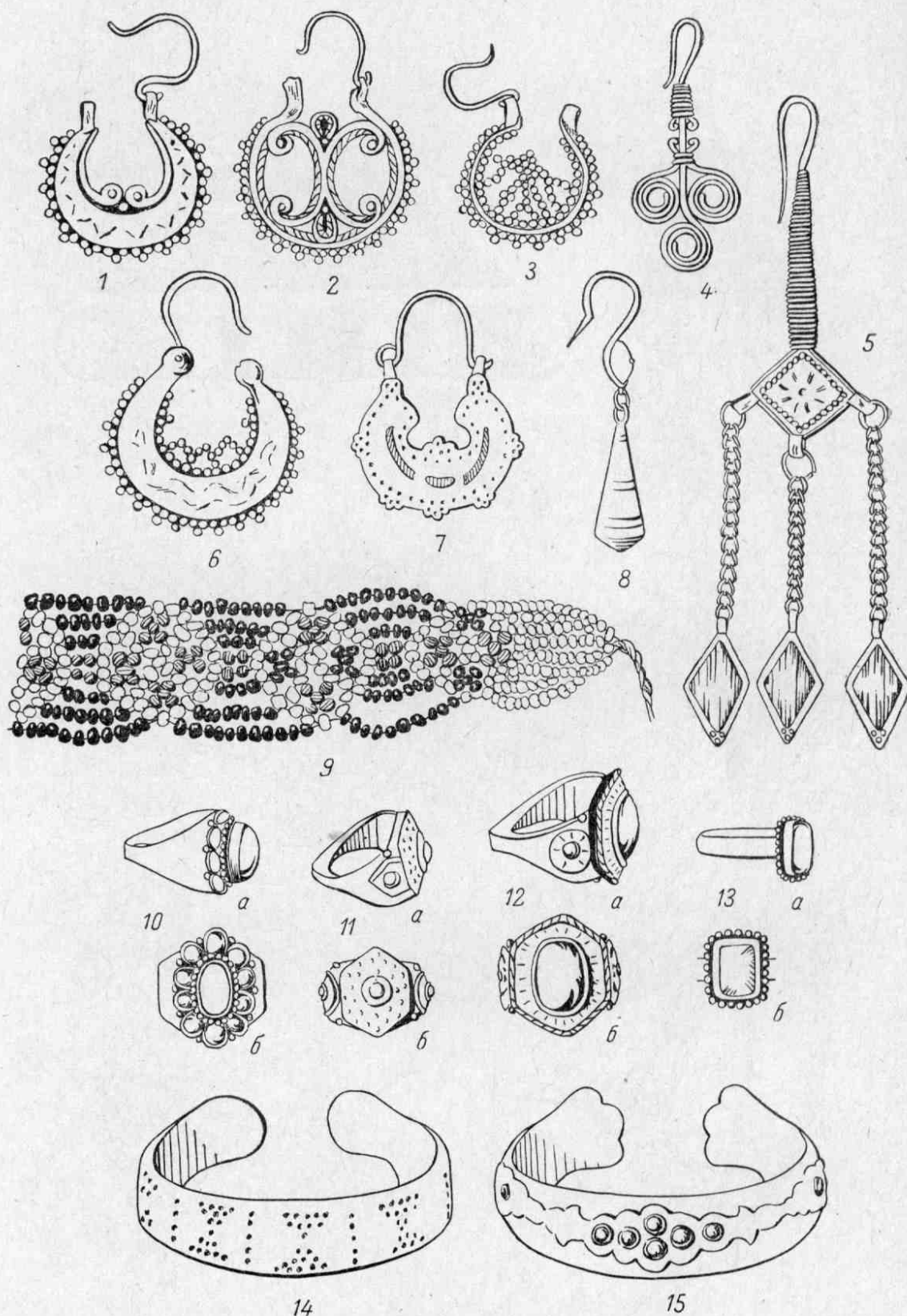

Табл. IV. Серьги, кольца и браслеты.

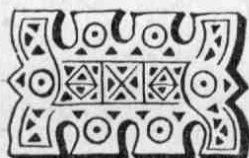
1 — сырга. Шуманайский район Каракалпакской АССР. ИЭ, № И-1525-152; 2 — сырга. Шуманайский район. ИЭ, № И-1525-132; 3 — сырга. Шуманайский район. ИЭ, № И-1525-131; 4 — сырга. Шуманайский район. ИЭ, № И-1525-132; 5 — сырга (казахская). Кипчакский район. ИЭ, № И-1525-96; 6 — сырга. Кунградский район. ИЭ, № И-1525-96; 7 — сырга. Нукус. ИЭ, № И-1525-97; 8 — сырга (казахская). ИЭ, № И-1525-165; 9 — гульмант. Кипчакский район. ИЭ, № И-1525-197; 10 — юзик. Ханкинский район (а — профиль, б — фас). ИЭ; 11 — круака юзик. ГМЭ, ОК, № 542 (а — профиль, б — фас); 12 — узук. ГМЭ, ОК, № 543 (а — профиль, б — фас); 13 — узук. Кошкучырский район (а — профиль, б — фас); 14 — блязик. Кипчакский район. ИЭ, № И-1525-92; 15 — блязик. Хивинский район. ИЭ.

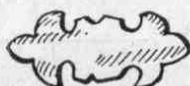
1

2

3

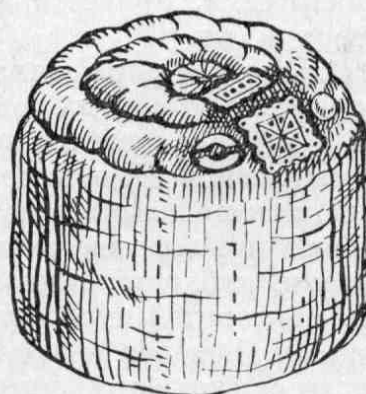
4

6

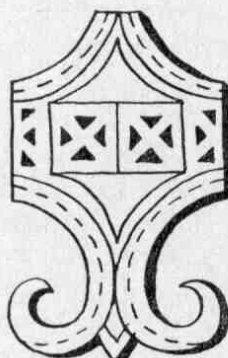
8

10

5

7

9

Табл. V. Амулеты.

1 — амулет из дерева. ГМЭ, № 21944; 2 — амулет из дерева. ГМЭ, № 21943; 3 — амулет из кости. ГМЭ, № 21942; 4 — амулет из кости. ГМЭ, № 21940; 5 — амулет из кости. Ханкинский район, Мадыр. ИЭ; 6 — амулет из кости. ГМЭ, № 21941; 7 — амулет из кости. Ханкинский район, Зинахас. ИЭ; 8 — амулет из дерева. ГМЭ, № 21945; 9 — амулет из дерева. ГМЭ, № 21946; 10 — *топпу* (шапочка детская с амулетами). Кош-купырский район, Газават. ИЭ.

каш, калитбаги, привести форму браслетов, серег, шейных украшений из бисера и др.

В то же время украшения как своеобразный элемент народного искусства отражали во многих дошедших до нас экземплярах большой художественный вкус, свидетельствовали, несмотря на некоторый местный колорит, о высокой и самобытной общеузбекской народной культуре.

Итак, как показывает материал, имелись две группы так называемых украшений (правильнее сказать, смысловых в то время знаков): во-первых, знаки, эмблемы, символы, выраженные в металле — меди, серебре, серебре с позолотой, в золоте; во-вторых, знаки, эмблемы, начертанные на деревянных, позднее костяных пластинках типа илиштирика.

И если с течением времени в первой группе постепенно стиралась, отмирала и забывалась первоначальная «функция», семантика и все в большей степени увеличивалось значение стороны эстетической, а предметы постепенно превращались в произведения народного искусства (ювелирного), то вторая группа не претерпевала подобных изменений, а, застыв, законсервировавшись, сохраняла свое прежнее значение оберега. Поколения резчиков, повторяя все те же рисунки, забывали их содержание, смысл. Оставалась лишь форма, не раскрывавшая сути вещи. Но сохранилось общее понятие о значении этих вещей, необходимых в силу традиции.
